Протоіерей С. Четвериковъ.

РЕЛИГІОЗНЫЯ ПЕРЕЖИВАНІЯ

Л. Н. Толстого

ПРИ СВѢТѢ ПРАВОСЛАВІЯ.

(Публичное чтеніе).

ПОЛТАВА.

Электрич. типографія Г. И. Маркевича. Панскій рядъ

1911.

Пр.

PV
5045

ФУНДАМЕНТАЛЬНАЯ
БИБЛИОТЕКА
Общественных Наук
Академии Наук СССР

808
63.

Религіозныя переживанія Л. Н. Толстого при свѣтѣ Православія).

Предлагая вниманію читателей настоящую статью «о религіозныхъ переживаніяхъ» Л. Н. Толстого, мы не имѣемъ въ виду дать подробное объективное изложеніе его религіозныхъ воззрѣній и сдѣлать ихъ обстоятельную оцѣнку, а хотимъ идти инымъ путемъ: заглянуть въ душу Л. Н. Толстого, обрисовать тотъ внутренній процессъ, который совершался въ его душѣ, когда онъ постепенно переходилъ отъ религіознаго безразличія къ вѣрѣ въ Бога, и который завершился его рѣшительнымъ отпаденіемъ отъ христіанства и православія и выработкою собственнаго религіозно-нравственнаго міросозерцанія. Намѣчая такой планъ для своей статьи, слѣдя шагъ за шагомъ за религіозными движеніями души Л. Н. Толстого, мы надѣемся ближе подойти къ этой душѣ, яснѣе и глубже понять основныя черты ея религіозно-нравственныхъ воззрѣній и, освѣтивъ ихъ чистымъ и проникновеннымъ свѣтомъ православія, сдѣлать имъ болѣе правильную и соотвѣтствующую оцѣнку.

Такой послѣдовательный пересмотръ религіозной жизни Л. Н. Толстого кажется намъ особенно умѣстнымъ именно въ настоящее время, когда значительная часть нашего образованнаго общества склонна, повидимому, чрезвычайно преувеличивать въ положительную сторону значеніе религіозныхъ идей яснополянскаго философа и готова видѣть въ немъ религіознаго реформатора, основателя новаго религіознаго ученія, призваннаго будто бы смѣнить и даже замѣнить церковно-христіанское міросозерцаніе. Смерть Л. Н. Толстого при об-

*) Богословское чтеніе, первоначально предложенное въ сокращенномъ видѣ кадетамъ 1-й роты Петровскаго-Полтавскаго кадетскаго корпуса, а потомъ, въ настоящемъ видѣ, въ Маріинской женской гимназіи въ ряду другихъ богословскихъ чтеній, устроенныхъ свято-Макаріевскимъ Братствомъ для интеллигентныхъ слушателей зимою 1911 года.

стоятельствахъ столь необычайныхъ и загадочныхъ и его погребеніе безъ церковнаго напутствія, безъ молитвы и благословенія—глубоко всколыхнули русское общество и вызвали изъ глубины его наплывъ такихъ настроеній и мыслей, которыхъ никакъ нельзя было ожидать въ обществѣ сознательно и убѣжденно православно-христіанскомъ и которыя обнаружили несомнѣнную путаницу и сбивчивость его религіозныхъ воззрѣній. Л. Н. Толстой былъ провозглашенъ истиннымъ христіаниномъ, а православная церковь была обвинена въ непониманіи всей глубины и возвышенности проповѣдуемой имъ истины, будто бы не вмѣщающейся въ узкія рамки историческаго православія.

Но эта точка зрѣнія глубоко ошибочна.

Отдавая должное художественному генію Л. Н. Толстого, признавая, что своими художественными твореніями онъ углубилъ самосознаніе русскаго общества, облагородилъ ею художественные вкусы, соглашаясь и съ тѣмъ, что искренностью и глубиною своихъ религіозныхъ исканій онъ будилъ многія души и что многіе, среди нашей интеллигенціи, обязаны ему своимъ обращеніемъ къ духовнымъ интересамъ, намъ все-же не слѣдуетъ уподобляться тѣмъ древнимъ мореплавателямъ, которые, слушая сладкое пѣніе волшебницъ—сиренъ, забывали, очарованные, и о родинѣ, и о семьѣ, и о всемъ святомъ. Великъ Л. Н. Толстой, какъ художникъ, но, если бы въ русскомъ обществѣ было ясное сознаніе православно-христіанской истины и горячая любовь къ этой родной намъ истинѣ, если бы оно чувствовало себя живою частью вселенскаго организма Церкви Христовой, оно, не смотря на художественныя заслуги Л. Н. Толстого, не забыло бы, конечно, о томъ, что онъ вмѣстѣ съ тѣмъ явился человѣкомъ, втоптавшимъ въ грязь, унизившимъ, осмѣявшимъ и выставившимъ въ самомъ нелѣпомъ и уродливомъ изображеніи величайшія святыни человѣческаго сердца—Христа Сына Божія, Евангеліе, Церковь, любовь къ родинѣ... И оно поняло бы, что права была православная церковь, въ недѣлю православія торжественно отлучающая отъ своего общенія всѣхъ тѣхъ, кто своими умствованіями затемняетъ чистую и святую истину подлиннаго православнаго христіанства, когда она причислила къ этому сонму исказителей Христовой истины и ве-

ликаго въ глазахъ міра по своимъ художественнымъ заслугамъ Л. Н. Толстого.

Послѣдовательное, шагъ за шагомъ, разсматриваніе постепеннаго формированія религіозныхъ воззрѣній Л. Н. Толстого обнаружитъ допускаемую многими въ настоящее время ошибку въ оцѣнкѣ религіозныхъ воззрѣній Л. Н. Толстого и покажетъ со всею ясностью, что Толстовство, въ дѣйствительности, не высшая ступень въ религіозномъ развитіи человѣчества сравнительно съ православіемъ, а, напротивъ, лишь недостаточно глубокое проникновеніе въ сущность христіанства, поверхностное и часто противорѣчивое его истолкованіе.

I.

Чтобы отклонить отъ себя возможный упрекъ въ искаженіи и неправильной передачѣ воззрѣній Л. Н. Толстого, мы будемъ излагать эти воззрѣнія исключительно его же собственными словами, пользуясь для этого его книгою «Исповѣдь» и, такимъ образомъ, какъ бы предоставимъ ему самому нарисовать предъ нами картину его духовныхъ переживаній, себѣ же оставляемъ только право сдѣлать выводъ изъ его собственнаго повѣствованія. И такъ, обращаясь къ «Исповѣди» Л. Н. Толстого, мы узнаемъ изъ нея, что уже въ раннемъ своемъ дѣтствѣ онъ не имѣлъ серьезной вѣры, и съ 16 лѣтъ пересталъ и внѣшнимъ образомъ соблюдать правила церкви, т. е. пересталъ становиться на молитву, ходить въ храмъ, исповѣдываться и причащаться. Правда, безсознательно жила въ немъ какая-то вѣра, но какая, онъ и самъ не могъ бы сказать. Тянуло его къ добру, было у него желаніе быть хорошимъ, но это желаніе не встрѣчало поддержки со стороны окружающихъ его лицъ. «Безъ ужаса, омерзенія и боли сердечной, пишетъ онъ, не могу вспомнить объ этихъ годахъ (отъ 16—26 лѣтъ) Я вызывалъ на дуэли, чтобы убить; проигрывалъ въ карты, проѣдалъ труды мужиковъ, казнилъ ихъ, блудилъ, обманывалъ. Ложь, воровство, любодѣліе всѣхъ родовъ, пьянство, насиліе, убійство. Не было преступленія, котораго я бы не совершалъ, и за все это меня хвалили, считали и считаютъ мои сверстники сравнительно нравственнымъ

человѣкомъ». Съ 26 лѣтъ въ жизни Л. Н. Толстого явился новый соблазнъ. Онъ сталъ писать и какъ онъ самъ говоритъ (можетъ быть и преувеличивая) «дѣлалъ это изъ тщеславія, корыстолюбія и гордости». Онъ попалъ въ среду литераторовъ. «Сами ничего не зная, мы только тѣмъ и занимались, что поучали другихъ и смотрѣли на себя, какъ на учителей общества». О смыслѣ жизни въ это время Толстой еще не задумывался глубоко. Онъ жилъ, какъ живутъ всѣ люди его круга, вѣрилъ въ науку и прогрессъ, занимался общественными дѣлами, ѣздилъ заграницу, увлекался учительствомъ. Тридцати двухъ лѣтъ Л. Н. Толстой женился. Заботы о женѣ, о дѣтяхъ, объ увеличеніи средствъ жизни, литературные труды—надолго поглотили его вниманіе и отвлекли его отъ самого себя. Такъ прошло еще 15 лѣтъ. И вотъ, когда Толстому подошло подъ 50 лѣтъ, онъ вдругъ замѣтилъ въ себѣ что-то новое и странное. Его обычная жизнь перестала его удовлетворять. На него стали находить минуты недоумѣнья, какъ будто онъ не зналъ какъ ему жить, что ему дѣлать? Онъ терялся и впадалъ въ уныніе. Это состояніе духа все чаще и чаще посѣщало его и причиняло ему глубокое страданіе. Сущность этого состоянія была въ томъ, что Толстой увидѣлъ, что онъ не понимаетъ смысла своего существованія и мучился этимъ. И вотъ, чтобы найти и понять смыслъ своей жизни, Толстой обращается и къ наукѣ, и къ философіи, и къ отдѣльнымъ великимъ мудрецамъ міра, и къ жизни, т. е. къ людямъ, его окружающимъ, старается понять, чѣмъ, для чего они живутъ.

Не находя нигдѣ отвѣта, онъ впадалъ, въ отчаяніе, думалъ о самоубійствѣ, но потомъ глаза его, наконецъ открылись и онъ понялъ смыслъ своего существованія. Объ этомъ періодѣ своей жизни онъ самъ разсказываетъ такъ: «Вопросъ мой тотъ,—который въ пятьдесятъ лѣтъ привелъ меня къ мысли о самоубійствѣ, былъ самый простой вопросъ, лежащій въ душѣ каждаго человѣка, отъ глупаго ребенка до мудрѣйшаго старца, тотъ вопросъ, безъ котораго жизнь невозможна, такъ я испыталъ это на дѣлѣ. Вопросъ состоитъ въ томъ: что выйдетъ изъ того, что я дѣлалъ нынѣче, что буду дѣлать завтра,—что выйдетъ изъ всей моей жизни. Иначе

выраженный, вопросъ будетъ такой: зачѣмъ мнѣ жить, зачѣмъ чего-нибудь желать, зачѣмъ что-нибудь дѣлать? Еще иначе можно вопросъ выразить такъ: есть-ли въ моей жизни такой смыслъ, который не уничтожился бы неизбѣжной предстоящей мнѣ смертью? На этотъ то одинъ и тотъ же, различно выраженный вопросъ, я искалъ отвѣта въ человѣческомъ знаніи.

И я нашелъ, что по отношенію къ этому вопросу всѣ человѣческія знанія раздѣляются какъ бы на двѣ противоположныя полусферы, на двухъ противоположныхъ концахъ которыхъ находится два полюса: одинъ—отрицательный, другой—положительный, но что ни на томъ, ни на другомъ полюсѣ нѣтъ отвѣтовъ на вопросъ жизни. Одинъ рядъ знаній какъ бы не признаетъ вопроса, но за то ясно и точно отвѣчаетъ на свои независимо поставленные вопросы: это рядъ знаній опытныхъ, и на крайней точкѣ ихъ стоитъ математика; другой рядъ знаній признаетъ вопросъ, но не отвѣчаетъ на него: это рядъ знаній умозрительныхъ и на крайней ихъ точкѣ—метафизика.

Съ ранней молодости меня занимали умозрительныя знанія, но потомъ математическія и естественныя науки привлекли меня, и пока я не поставилъ себѣ ясно своего вопроса, пока вопросъ этотъ не выросъ самъ во мнѣ, требуя настоятельнаго рѣшенія, до тѣхъ поръ я удовлетворялся тѣми поддѣлками отвѣтовъ на вопросъ, какія даетъ знаніе. То въ области опытной я говорилъ себѣ: «все развивается, идетъ къ усложненію, и усовершенствованію, и есть законы, руководящіе этимъ ходомъ. Ты знаешь цѣлаго. Познавъ, насколько возможно, цѣлое и познавъ законъ развитія, ты познаешь и свое мѣсто въ этомъ цѣломъ, и самого себя». Какъ ни совѣстно мнѣ признать, но было время, когда я какъ будто удовлетворялся этимъ. Но пришло время, и я увидалъ, что этотъ законъ не только ничего мнѣ не объясняетъ, но что и закона такого никогда не было, и не могло быть, а что я принялъ за законъ то, что нашелъ въ себѣ въ извѣстную пору жизни. Я строже отнесся къ опредѣленію этого закона, и мнѣ стало ясно, что закона безконечнаго развитія не можетъ быть; ясно стало, что сказать—въ безконечномъ пространствѣ и времени все развивается—

это значитъ—ничего не сказать. Все это—слова безъ значенія, ибо въ безконечномъ нѣтъ ни сложнаго, ни простого, ни переда, ни зада, ни лучше, ни хуже. Главное же то, что вопросъ мой личный—что я такое съ своими желаньями? оставался совсѣмъ уже безъ отвѣта. Вообще, отношеніе наукъ опытныхъ къ вопросу жизни можетъ быть выражено такъ: Вопросъ—зачемъ я живу? Отвѣтъ—въ безконечно большомъ пространствѣ, въ безконечно-долгое время, безконечно малыя частицы видоизмѣняются въ безконечной сложности, и когда ты поймешь законы этихъ видоизмѣненій, тогда поймешь, зачѣмъ ты живешь на землѣ».

Иначе этотъ отвѣтъ можно выразить такъ: «Ты—временное случайное сцѣпленіе частицъ. Взаимное воздѣйствіе, измѣненіе этихъ частицъ производитъ въ тебѣ то, что ты называешь твоею жизнью. Сцѣпленіе это продержится нѣкоторое время; потомъ взаимодѣйствіе этихъ частицъ прекратится и прекратится то, что ты называешь жизнью, прекратятся и всѣ твои вопросы. Ты—случайно сплотившійся комочекъ чего-то. Комочекъ прѣетъ. Прѣніе это комочекъ называетъ своею жизнью. Комочекъ разскочится—и кончится прѣніе и всѣ вопросы». Этотъ отвѣтъ естествознанія не указалъ Л. Н. Толстому смысла его существованія и не удовлетворилъ его. „Обращаясь къ области наукъ умозрительныхъ, продолжаетъ онъ свою «Исповѣдь», я говорилъ себѣ: все человѣчество живетъ и развивается на основанія духовныхъ началъ, идеаловъ, руководящихъ его. Эти идеалы выражаются въ религіяхъ, въ наукахъ, искусствахъ, формахъ государственности. Идеалы эти становятся все выше и выше и человѣчество идетъ къ высшему благу. Я часть человѣчества, и поэтому призванье мое состоитъ въ томъ, что-бы содѣйствовать сознанію и осуществленію идеаловъ человѣчества». И я во время своего слабоумія удовлетворялся этимъ; но какъ скоро ясно возсталъ во мнѣ вопросъ жизни, вся эта теорія мгновенно рушилась. (Не говоря о многомъ другомъ), странность, чтобы не сказать глупость этого воззрѣнія состоитъ въ томъ, что для того, чтобы отвѣтить на вопросъ, предстоящій каждому человѣку: что я такое? или: зачѣмъ я живу? или: что мнѣ дѣлать?—человѣкъ долженъ прежде

разрѣшить вопросъ—что такое жизнь всего неизвѣстнаго ему человѣчества, изъ которой ему извѣстна одна крошечная часть въ одинъ крошечный періодъ времени. Для того, чтобы понять, что онъ такое, человѣкъ долженъ прежде понять, что такое все это таинственное человѣчество, состоящее изъ такихъ же людей, какъ и онъ самъ, не понимающихъ самихъ себя».

Не найдя отвѣта на свой вопросъ—для чего я живу? ни въ наукахъ опытныхъ, ни въ наукахъ историческихъ, Толстой обратился съ тѣмъ же вопросомъ къ великимъ мудрецамъ міра и вотъ что они ему отвѣтили.

«Жизнь тѣла есть зло и ложь. И поэтому уничтоженіе этой жизни тѣла есть благо, и мы должны желать его»—отвѣтилъ Сократъ.

«Жизнь есть то, чего не должно бы быть, зло и переходъ въ ничто есть единственное благо жизни»—сказалъ Шопенгауэръ.

«Все въ мірѣ—и глупость, и мудрость, и богатство, и нищета, и веселье, и горе—все суета. Человѣкъ умретъ, и ничего не останется. И это глупо»!—возвѣстилъ Соломонъ.

«Жить съ сознаньемъ неизбѣжности страданій, ослабленія, старости и смерти нельзя,—надо освободить себя отъ жизни, отъ всякой возможности жизни»—училъ Будда.

Итакъ, научное знаніе не даетъ отвѣта на вопросъ—для чего жить, а мудрость мудрецовъ міра говоритъ, что не жить лучше, чѣмъ жить. Съ мнѣніемъ о жизни этихъ сильныхъ умовъ былъ согласенъ и Л. Н. Толстой.

«Блужданіе мое въ знаніяхъ, пишетъ онъ, не только не вывело меня изъ моего отчаянія, но еще усилило его... Обманывать себя нечего. Все—суета. Счастливъ-кто не родился. Смерть лучше жизни».

Но однако живутъ же другіе люди?! Чѣмъ, для чего они живутъ? Толстой сталъ присматриваться къ ихъ жизни и вотъ что онъ увидѣлъ. У людей его круга существуетъ четыре выхода изъ того ужаснаго положенія, въ которомъ находится человѣкъ на землѣ, и первый выходъ—есть выходъ невѣдѣнія. Онъ состоитъ въ томъ,

чтобы не знать, не понимать того, что жизнь есть зло и безсмыслица. Люди этого разряда—большею частью женщины, или очень молодые, или очень тупые люди—еще не поняли того вопроса, который представился Шопенгауэру, Соломону, Буддѣ. Отъ нихъ мнѣ нечему научиться. Нельзя перестать знать то, что знаешь.

Второй выходъ—это выходъ эпикурейства. Онъ состоитъ въ томъ, чтобы зная безнадежность жизни, пользоваться, покамѣсть, тѣми благами, какія есть, и лизать медъ жизни самымъ лучшимъ образомъ, особенно, если его накопилось много.

Третій выходъ состоитъ въ томъ, чтобы понявъ, что жизнь есть зло и безсмыслица, уничтожить ее. Такъ поступаютъ рѣдкіе, сильные и послѣдовательные люди.

Четвертый выходъ—знать, что жизнь есть глупая, сыгранная надо мной шутка, и все—таки жить, умываться, одѣваться, обѣдать, говорить и даже книжки писать. Это было для меня отвратительно, мучительно, но я оставался въ этомъ послѣднемъ положеніи».

Впослѣдствіи Л. Н. Толстой понялъ, что если онъ не убилъ себя, то причиною тому было смутное сознаніе ошибочности его мыслей. Въ самомъ дѣлѣ, если-бы не было жизни, не было-бы и моего разума. Жизнь есть все, разумъ есть плодъ жизни. И этотъ разумъ, плодъ жизни, отрицаетъ жизнь. Тутъ очевидно что-то не ладно.

Потерявъ вѣру въ знаніе и въ здравый смыслъ своего круга, Л. Н. Толстой обратился къ изученію жизни простого народа. Присматриваясь къ этой жизни, Толстой замѣтилъ, что простой народъ живетъ вѣрою въ Бога. Только эта вѣра и опредѣляетъ его жизнь и даетъ смыслъ его существованію. «Я сталъ сближаться съ вѣрующими изъ бѣдныхъ, простыхъ, неученыхъ людей, странниками, монахами, раскольниками, мужиками. И чѣмъ больше я вглядывался, тѣмъ больше убѣждался, что у нихъ есть настоящая вѣра, что вѣра ихъ необходима для нихъ и одна даетъ имъ смыслъ и возможность жизни. Я оглянулся шире вокругъ себя. Я вглядѣлся въ жизнь прошедшихъ и современныхъ огромныхъ массъ людей.

И я видѣлъ такихъ, понявшихъ смыслъ жизни, умѣющихъ жить и умирать, не двухъ, не трехъ, не десять, а сотни, тысячи, милліоны. И всѣ они, безконечно различные по своему нраву, уму, образованію, положенію, всѣ одинаково и совершенно противоположно моему невѣдѣнію знали смыслъ жизни и смерти, спокойно трудились, переносили лишенія и страданія, жили и умирали, видя въ этомъ не суету, а добро. И я полюбилъ этихъ людей. Чѣмъ больше я вникалъ въ ихъ жизнь, тѣмъ больше я любилъ ихъ и тѣмъ легче мнѣ самому становилось жить. Я жилъ такъ года два, и со мной случился переворотъ, который давно готовился во мнѣ, и задатки котораго всегда были во мнѣ. Со мной случилось то, что жизнь нашего круга, богатыхъ, ученыхъ, не только опротивѣла мнѣ, но потеряла всякій смыслъ. Всѣ наши дѣйствія, разсужденія, науки, искусства—все представало мнѣ въ новомъ значеніи. Я понялъ, что все это—одно баловство, что искать смысла въ этомъ нельзя. Жизнь же всего трудящагося народа, всего человѣчества творящаго жизнь, представлялась мнѣ въ ея настоящемъ значеніи. Я понялъ, что это—сама жизнь, и что смыслъ придаваемый этой жизни, есть истина и я принялъ его». Вѣра въ Бога—есть основаніе жизни народной. И Л. Н. Толстой страстно захотѣлъ имѣть эту народную вѣру въ Бога.

Но присматриваясь къ вѣрѣ народной, онъ упустилъ изъ вниманія одно, упустилъ то, что вѣра народная есть вмѣстѣ съ тѣмъ и вѣра православная. Тѣ странники, монахи, раскольники, мужики, вѣра которыхъ умиляла Л. Н. Толстого, вѣрили не только въ Бога, но вѣрили въ Пресвятую Троицу, въ Христа—Сына Божія, Искупителя, вѣрили въ Божію Матерь и во святыхъ угодниковъ Божіихъ, вѣрили въ таинства и силу молитвы... А всего этого какъ мы яснѣе увидимъ ниже, Л. Н. Толстой не могъ принять, не насилуя своей совѣсти, не лицемѣря. Но въ настоящій моментъ его мысль надъ этимъ еще не останавливалась. Его только страстно влекла къ себѣ жажда вѣры въ Бога.

«Несмотря на то, что я былъ убѣжденъ въ невозможности доказательства бытія Божія, я все-таки искалъ Бога, надѣялся на то, что я найду Его и, обращался

съ мольбой къ тому, кого я искалъ и не находилъ. Если я есть, говорилъ я, то есть, на то причина, и причина причинъ. И эта причина всего есть то, что называютъ Богомъ. И я останавливался на этой мысли и старался всѣмъ существомъ сознать присутствіе этой причины. И какъ только я сознавалъ, что есть сила, во власти которой я нахожусь, такъ тотчасъ же и чувствовалъ возможность жизни. Но я спрашивалъ себя: «что же такое эта причина? Эта сила? Какъ мнѣ думать о ней? Какъ мнѣ относиться къ тому, что я называю Богомъ?—И только знакомые мнѣ отвѣты приходили мнѣ въ голову: «Онъ творецъ, промыслитель». Отвѣты эти не удовлетворяли меня. И я чувствовалъ, что пропадаетъ во мнѣ то, что мнѣ нужно для жизни. Я приходилъ въ ужасъ, и начиналъ молиться тому, котораго я искалъ, о томъ, чтобы онъ помогъ мнѣ... И съ отчаяніемъ въ сердцѣ я говорилъ: «Господи, помилуй, спаси меня! Господи, научи меня»! Но никто не миловалъ меня и я чувствовалъ, что жизнь моя останавливается. Но опять и опять съ разныхъ сторонъ я приходилъ къ тому же признанію того, что не могъ же я безъ всякаго повода, причины и смысла явиться на свѣтъ, что не могу я быть такимъ выпавшимъ изъ гнѣзда птенцомъ, какимъ я себя чувствовалъ. Пускай я, выпавшій птенецъ, лежу на спинѣ, пищу въ высокой травѣ, но я пищу оттого, что знаю, что меня въ себѣ выносила мать, высиживала, грѣла, кормила, любила. Гдѣ она, эта мать? Если забросили меня, то кто-же забросилъ?

Не могу я скрыть отъ себя, что любя родилъ меня кто-то. Кто же этотъ кто-то. Опять Богъ. Онъ знаетъ и видитъ мои исканія, отчаяніе, борьбу. «Онъ есть», говорилъ я себѣ. И стоило мнѣ на мгновеніе признать это, какъ тотчасъ же жизнь поднималась во мнѣ, и я чувствовалъ и возможность, и радость бытія. Но опять отъ признанія существованія Бога я переходилъ къ отысканію отношенія къ нему, и опять мнѣ представлялся тотъ Богъ, нашъ Творецъ въ трехъ лицахъ, прославшій Сына-Искупителя. И опять этотъ отдѣльный отъ міра, отъ меня, Богъ, какъ льдина таялъ, таялъ на моихъ глазахъ, и опять ничего не оставалось, и опять изсыхалъ источникъ жизни; я приходилъ въ отчаяніе и чув-

ствовалъ, что мнѣ нечего сдѣлать другого, какъ убить себя. И что было хуже всего, я чувствовалъ, что и этого немогу сдѣлать.

Не два, не три раза. а десятки, сотни разъ приходилъ я въ эти положенія, то радости и оживленія, то опять отчаянія и сознанія невозможности жизни. И вотъ однажды—это было раннею весною, я одинъ былъ въ лѣсу, прислушивался къ звукамъ лѣса. Я прислушивался и думалъ все объ одномъ, какъ я постоянно думалъ все объ одномъ и томъ-же эти послѣдніе три года. Я опять искалъ Бога. «Ну, хорошо, нѣтъ никакого Бога», говорилъ я себѣ. „Но понятіе мое о Богѣ, о томъ, котораго я ищу»? Спросилъ я себя. «Понятіе-то это откуда взялось»? И при этой мысли во мнѣ поднялись радостныя волны жизни. Все вокругъ меня ожило, получило смыслъ. Но радость моя продолжалась недолго. Умъ продолжалъ свою работу. «Понятіе Бога—не Богъ» сказалъ я себѣ. «Понятіе есть то, что происходитъ во мнѣ, понятіе о Богѣ есть то, что я могу возбудить и могу не возбудить въ себѣ. Это не то, что я ищу». И опять все стало умирать во мнѣ и вокругъ меня, и и опять мнѣ захотѣлось убить себя. Но тутъ я оглянулся на самого себя, на то что происходитъ во мнѣ, и я вспомнилъ всѣ эти сотни разъ происходившія во мнѣ умиранія и оживленія. Я вспомнилъ, что я жилъ только тогда, когда вѣрилъ въ Бога. Какъ было прежде, такъ и теперь: стоитъ мнѣ знать о Богѣ, и я живу; стоитъ забыть, не вѣрить въ Него, и я умираю. Что же это такое эти оживленія и эти умиранія? Вѣдь я не живу, когда теряю вѣру въ существованіе Бога, вѣдь я бы уже давно убилъ себя, если бы у меня не было смутной надежды найти Его. Вѣдь я живу, истинно живу только тогда, когда чувствую Его и ищу Его. Такъ чего же я еще ищу? Вскрикнулъ во мнѣ голосъ. Такъ вотъ онъ Оно есть то, безъ чего жить нельзя... И сильнѣе, чѣмъ когда нибудь, все освѣтилось во мнѣ и вокругъ меня и свѣтъ этотъ уже не покидалъ меня. И я спасся отъ самоубійства... И странно, что та сила жизни, которая возвратилась ко мнѣ, была не новая, а самая старая,—та самая, которая влекла меня на первыхъ порахъ моей жизни. Я вернулся во всемъ къ самому преж-

нему дѣтскому и юношескому. Я вернулся къ вѣрѣ въ Бога, въ нравственное совершенствованіе и въ преданіе, передававшее смыслъ жизни. Только та и была разница, что тогда все это было принято безсознательно, теперь же я зналъ, что безъ этого я не могу жить».

Мы подошли теперь къ рѣшительному моменту въ духовной жизни Л. Н. Толстого. Никогда онъ не стоялъ такъ близко къ христіанству, какъ именно въ это время. Казалось, еще одинъ только шагъ, одно движеніе души и Толстой станетъ простымъ, смиреннымъ вѣрующимъ христіаниномъ. Онъ видѣлъ уже, что нравственная сила народа заключается въ его вѣрѣ въ Бога и полюбилъ народъ за эту вѣру. Онъ самъ обрѣлъ въ душѣ своей вѣру въ Бога и эта вѣра наполняла его душу миромъ, счастьемъ, полнотою жизни... Несмотря однако на все это, обращенія Л. Н. Толстого къ христіанству не произошло. Толстой повѣрилъ въ Бога, но онъ не принялъ Православія. Изъ приведенныхъ уже нами его словъ можно видѣть, что православное ученіе о Богѣ, о Пресвятой Троицѣ, о Сынѣ Божіемъ—Искупителѣ отталкивало его отъ себя и казалось ему непріемлемымъ для человѣческаго разума. Что же это значитъ? Дѣйствительно ли разумъ человѣческій не принимаетъ истинъ христіанства? Но если бы это было такъ, то какъ могло бы случиться, что многіе и великіе умы нисколько не соблазнялись этими истинами и принимали ихъ всѣмъ сердцемъ, съ полною искренностью? Мы не говоримъ уже о древнихъ великихъ умахъ, каковы напр. Оригенъ, Василій Великій или блаженный Августинъ, но возьмемъ новѣйшихъ представителей науки, философіи и литературы—Кеплеръ, Ньютонъ, Паскаль, Пастеръ, Гладстонъ, Сперанскій, Кирѣевскій, Хомяковъ, Пироговъ, Гоголь, Достоевскій, Ушинскій, Влад. С. Соловьевъ и др. нисколько несмущались истинами и обрядами христіанства и не видѣли противорѣчія между ними и понятіями своего разума. Значитъ, причина соблазна для Л. Н. Толстого заключалась не въ разумѣ его, который у него не могъ быть другимъ, чѣмъ у Влад. С. Соловьева или у Гладстона, а въ тѣхъ особенностяхъ его душевнаго склада, въ тѣхъ его своеобразныхъ понятіяхъ, которымъ онъ неправильно придавалъ

безусловное значеніе и считалъ ихъ голосомъ чистаго человѣческаго разума.

Для совершеннаго обращенія къ Богу, для полнаго принятія христіанства Л. Н. Толстому недоставало одного,—но это одно было самымъ главнымъ, ему недоставало глубокаго внутренняго покаяннаго перелома и смиреннаго обращенія ко Христу, какъ къ источнику духовнаго обновленія. Если бы Л. Н. Толстой въ этотъ роковой моментъ своей жизни сумѣлъ бы увидѣть во Христѣ—воплощеніе Святости Божіей на землѣ, сумѣлъ бы увидѣть въ Немъ Сына Божія—Спасителя, пришедшаго «грѣшныя спасти, отъ нихъ же первый есмь азъ», если бы онъ въ глубокомъ сокрушеніи и умиленіи, въ сознаніи своей духовной бѣдности, несмотря на всю славу и величіе своего художественнаго генія, палъ предъ Господомъ Іисусомъ Христомъ, умоляя Его протянуть ему руку помощи,—онъ сталъ бы твердою ногою на христіанскій путь жизни, и мы имѣли бы въ Толстомъ не врага церкви христіанской, а новаго учителя и проповѣдника истинной Христовой вѣры, новаго христіанскаго подвижника, великаго, можетъ быть, всенароднаго праведника. Но къ великому сожалѣнію, этого не случилось. Такого дѣтскаго, смиреннаго и мудраго въ своемъ смиреніи обращенія ко Христу Л. Н. Толстой не обрѣлъ въ себѣ.

Здѣсь интересно провести параллель между Л. Н. Толстымъ и Ѳ. М. Достоевскимъ. И Достоевскій, подобно Толстому, переживалъ въ своей молодости, да и потомъ (во всю свою жизнь) великую душевную драму, мучился сомнѣніями и искалъ Бога, но путь его къ Богу былъ совершенно другой, чѣмъ путь Толстого. Толстой шелъ къ Богу путемъ теоретическаго размышленія, мучаясь надъ вопросомъ о смыслѣ своего существованія. Достоевскій шелъ къ Богу опытнымъ, жизненнымъ путемъ глубокаго нравственнаго страданія. Толстой не переживалъ тѣхъ великихъ жизненныхъ мукъ, которыя выпали на долю Достоевскаго. Сосланный въ далекую Сибирь, живя съ каторжниками, Достоевскій находилъ для себя единственное утѣшеніе въ чтеніи св. Евангелія. Читая эту священную книгу, онъ невольно сопоставлялъ свои страданія со страданіями Богочеловѣка и это сопоставленіе пробуждало и укрѣпляло въ душѣ его живое, личное

отношеніе къ Спасителю: въ Немъ, въ страдающемъ Господѣ, онъ находилъ нравственную опору и глубокое утѣшеніе. Погружаясь своимъ сердцемъ въ страданія Христовы, онъ почувствовалъ сладость любви къ Христу и такимъ путемъ сталъ истиннымъ, глубоковѣрующимъ христіаниномъ. Полюбивъ Христа, Достоевскій отдался ему беззавѣтно. Онъ принялъ все—и чудесное Рождество Христа, и Его Воскресеніе и таинство св. Причащенія. Охваченный Христовою любовью, его умъ порвалъ всѣ путы современнаго культурнаго псевдонаучнаго матеріализма, которыми пыталась связать его современная жизнь.

Онъ обратился, какъ дитя со всею дѣтскою простотою и довѣрчивостью. Полюбивъ Христа, Достоевскій естественно полюбилъ и церковь Христову и принялъ ее со всѣми ея установленіями и обрядами, ибо онъ зналъ, на основаніи словъ Христа, что Христосъ всегда пребываетъ въ Своей церкви: «Дана мнѣ всякая власть на небѣ и на землѣ. Идите, научите всѣ народы, крестя ихъ во имя Отца и Сына, и св. Духа, уча ихъ соблюдать все, что я повелѣлъ вамъ; и вотъ Я съ вами во всѣ дни до скончанія вѣка».

У Толстого, какъ можно видѣть изъ его «Исповѣди», никогда не бывало такого отношенія ко Христу, какъ у Достоевскаго, да и вообще личнаго отношенія ко Христу у него не было. Онъ пришелъ и къ Богу не черезъ Христа, пришелъ пытливостью ищущаго успокоенія разума, а не любовью страдающаго и кающагося сердца. Толстой никогда не любилъ Христа, никогда не имѣлъ молитвеннаго обращенія къ Нему, никогда не былъ съ нимъ во внутреннемъ единеніи. Скажемъ больше – Христосъ былъ ему непріятенъ. Вотъ истинная причина тому, почему онъ не сдѣлался христіаниномъ и почему онъ отпалъ отъ церкви. Толстой, несомнѣнно, сознавалъ превосходство религіозныхъ переживаній Достоевскаго сравнительно съ его собственными переживаніями, чувствовалъ ихъ большую глубину и правду и потому онъ невольно тянулся къ Достоевскому, какъ бы ища въ немъ нравственной опоры для себя.

Когда Достоевскій умеръ, а это случилось въ самую критическую минуту религіозныхъ переживаній Толстого, Толстой сказалъ, что онъ потерялъ въ Достоевскомъ ве-

ликую духовную опору, хотя никогда не имѣлъ съ нимъ близкаго внѣшняго общенія. И несомнѣнно, если кто могъ повліять глубоко на религіозную жизнь Толстого, если кто могъ приклонить его гордую душу подъ иго Христово, то только Достоевскій съ его беззавѣтною искренностью и глубиною христіанскаго чувства и проникновеннаго пониманія правды христіанства.

Здѣсь кстати будетъ указать еще одну особенность религіозности Л. Н. Толстого. Онъ не понимаетъ религіи, какъ живого, личнаго, хотя и глубоко—таинственнаго общенія человѣка съ Богомъ. Для него христіанство, по его собственнымъ словамъ, есть лишь новое жизнепониманіе. Религія есть разумѣніе смысла жизни и осуществленія въ своемъ поведеніи нравственнаго закона жизни. Не признавая возможности взаимообщенія между Богомъ и человѣкомъ, Толстой не признаетъ возможности и необходимости Божественнаго откровенія, воплощенія Сына Божія, Его искупительныхъ страданій, не признаетъ и Церкви, какъ средоточія благодатнаго взаимодѣйствія въ таинствахъ и молитвахъ между Богомъ и человѣкомъ. Между тѣмъ, глубочайшая сущность христіанства именно и состоитъ въ возстановленіи утраченнаго человѣчествомъ взаимообщенія съ Богомъ. Самъ Іисусъ Христосъ пребываетъ въ непрестанномъ единеніи съ Богомъ—Отцомъ, и своимъ ученикамъ говорилъ: «Кто любитъ Меня, тотъ соблюдаетъ слово Мое; и Отецъ Мой возлюбитъ его, и придемъ къ Нему и обитель у Него сотворимъ". Себя онъ сравнивалъ съ виноградною лозой, учениковъ своихъ съ вѣтвями и говорилъ: «Пребудьте во Мнѣ и Я въ васъ. Я есмь лоза, а вы вѣтви; кто пребываетъ во Мнѣ и Я въ немъ, тотъ приноситъ много плода; ибо безъ Меня не можете дѣлать ничего» (Іоан. 15. 1—5). Для установленія крѣпчайшей таинственной связи между Собою и учениками Іисусъ Христосъ учреждаетъ таинство Св. Причащенія, о которомъ говоритъ: «Ядущій Мою Плоть и піющій Мою Кровь во Мнѣ пребываетъ и Я въ немъ»... (Іоан. VI. 53). Онъ обѣщаетъ своимъ ученикамъ непрерывное общеніе св. Духа, котораго онъ пошлетъ имъ отъ Отца, и который будетъ наставлять ихъ на всякую истину; обѣщаетъ, что и Самъ никогда не оставитъ ихъ безъ своего общенія; «вотъ Я

ФУНДАМЕНТАЛЬНАЯ БИБЛИОТЕКА Общественных Наук Академии Наук СССР

съ вами во всѣ дни до скончанія вѣка, Аминь.» (Мѳ. 28. 20). Эту мистическую, таинственную сторону христіанства Толстой совершенно не понимаетъ и отвергаетъ ее; и вопреки прямымъ и яснымъ словамъ Спасителя: «безъ Меня не можете дѣлать ничего», лишь издѣвается надъ ученіемъ церкви о необходимости для человѣка Божественной помощи въ подвигѣ жизни христіанской.

И такъ, увѣровавъ въ Бога, Л. Н. Толстой не сдѣлался христіаниномъ, остановившись на порогѣ христіанства, и причину этого надо видѣть не въ томъ, что истины христіанства не могутъ быть приняты человѣческимъ разумомъ, а въ томъ, что Л. Н. Толстой подошелъ къ христіанству не сердцемъ, а умомъ, не сумѣлъ преклониться предъ величіемъ святости Христа, не сумѣлъ отнестись ко Христу и къ Его ученію «какъ дитя» просто и довѣрчиво, съ полнымъ самоотверженіемъ, и смиреніемъ, съ искреннею любовью и съ готовностью послѣдовать ему по заповѣди Его: «Аще кто хощетъ по Мнѣ ити, да отвержется себе, и возьметъ крестъ свой, и по Мнѣ грядетъ». (Мѳ. гл. 16 ст. 24).

II.

Л. Н. Толстому такъ хотѣлось поскорѣе слиться съ народомъ, что признавъ бытіе Божіе, онъ рѣшаетъ сразуже начать исполнять всю обрядовую сторону народной вѣры. Но этотъ, повидимому, добрый шагъ не привелъ къ добрымъ послѣдствіямъ. Да это и понятно.

Обрядовая сторона народной вѣры важна не сама по себѣ, не какъ средство сліянія съ народомъ; она важна, какъ форма общенія со Христомъ, съ Богомъ, какъ полнота внѣшняго выраженія христіанскихъ вѣрованій и чувствъ. Надо признавать истины христіанства, тогда будутъ понятны, отрадны и назидательны всѣ обрядовыя дѣйствія церкви. Если бы Л. Н. Толстой слился съ народомъ въ его вѣрованіяхъ, тогда и сліяніе съ нимъ въ богослуженіи и обрядахъ было бы для него и легко и отрадно, ибо было бы естественно. Но Толстой отвергалъ народную вѣру, какъ неразумную. Ученіе о Пресвятой Тройцѣ, о Сынѣ Божіемъ—Искупителѣ, о чудесахъ—его смущало и соблазняло. Между тѣмъ всѣ обряды и все

богослуженіе церкви на этихъ именно вѣрованіяхъ и основаны, объ нихъ постоянно и напоминаютъ. Толстой, отвергая вѣрованія, хотѣлъ участвовать въ обрядахъ. Здѣсь было внутреннее противорѣчіе. И попытка слиться съ народомъ въ обрядахъ при отрицаніи самой вѣры народа неизбѣжно должна была превратиться въ мучительное насиліе надъ собою, въ постоянное тягостное притворство и лицемѣріе. Такъ оно и случилось. Толстой скоро увидѣлъ, что выполненіе обрядовъ церкви, участіе въ богослуженіи церкви становятся для него невыносимымъ. Онъ говорилъ: «Мнѣ еще понятны были слова эктеній, молитва о Государѣ. но молитва о покореніи врага и супостата, херувимская пѣснь, проскомидія, «взбранной воеводѣ» казались совершенно непонятными. Тоже самое повторилось и въ отношеніи къ праздникамъ. Помнить день субботній, т. е. посвящать одинъ день въ недѣлю на обращеніе къ Богу, мнѣ было понятно. Но главный праздникъ былъ воспоминанье о событіи воскресенія, дѣйствительность котораго я не могъ себѣ представить и понять. И этимъ именемъ воскресенія назывался еженедѣльно празднуемый день. Въ эти дни совершалось таинство Евхаристіи, которое мнѣ было совершенно непонятно. Остальные всѣ двѣнадцать праздниковъ. кромѣ Рождества, были воспоминанія о чудесахъ, о томъ, о чемъ я старался не думать, чтобы не отрицать.. При празднованіи этихъ праздниковъ я или придумывалъ успокаивавшія меня объясненія, или закрывалъ глаза, чтобы не видать того что, соблазняло меня Сильнѣе всего это происходило со мной при участіи въ самыхъ обычныхъ таинствахъ, считавшихся самыми важными—крещеніи и причастіи...

Никогда не забуду мучительнаго чувства, испытаннаго мною въ тотъ день, когда я причащался въ первый разъ послѣ многихъ лѣтъ. Службы, исповѣдь, правила—все это было мнѣ понятно и производило во мнѣ радостное сознаніе того, что смыслъ жизни открывается мнѣ. Самое причастіе я объяснялъ себѣ какъ дѣйствіе, совершаемое въ воспоминаніе Христа, и означающее очищеніе отъ грѣха и полное воспринятіе ученія Христа. Если это объясненіе и было искусственно, то я не замѣчалъ его искусственности... Но когда я подошелъ къ царскимъ

дверямъ и священникъ заставилъ меня повторить то, что я вѣрю, что то, что я буду глотать, есть истинное тѣло и кровь, меня рѣзнуло по сердцу... Я смирился, проглотивъ эту кровь и тѣло безъ кощунственныхъ чувствъ съ желаніемъ повѣрить, но ударъ уже былъ нанесенъ. И зная напередъ, что ожидаетъ меня, я уже не могъ итти въ другой разъ». Читая эти признанія Л. Н. Толстого, нельзя не обратить вниманія на слѣдующее обстоятельство. Все, сказанное имъ, ясно показываетъ, насколько онъ далекъ былъ въ это время отъ искренней смиренной вѣры истиннаго христіанина. Его «рѣзало по сердцу» то, что составляетъ величайшую святыню и глубокую радость каждаго вѣрующаго послѣдователя Христа. Казалось бы, при такомъ положеніи дѣла, ему слѣдовало бы сдѣлать одно изъ двухъ: или осудить себя за это невѣріе, если онъ хочетъ оставаться членомъ церкви, или открыто выйти изъ церкви. Но онъ не дѣлаетъ ни того, ни другого. Оказывая какъ бы снисхожденіе церкви. снисхожденіе ея вѣрованіямъ, онъ по своему истолковываетъ эти вѣрованія, чтобы сдѣлать ихъ удобопріемлемыми для себя, хотя по существу дѣла онъ ихъ отвергаетъ. Для чего онъ это дѣлаетъ? Очевидно для сохраненія своего хотя бы внѣшняго единства съ народомъ. Но такое внѣшнее, лицемѣрное, насильственное единеніе съ народомъ, въ его вѣрованіяхъ и обрядахъ не могло продолжаться долго и, дѣйствительно, оно скоро разрушилось, но и здѣсь Л. Н. Толстой не себя винитъ въ этомъ, а Православную церковь, содержащую такія вѣрованія, которыхъ будто бы не можетъ принять человѣческій разумъ.

Убѣдившись, что онъ не можетъ слиться съ народомъ въ исполненіи обрядовой стороны вѣры, Л. Н. Толстой рѣшилъ, что въ ученіи церкви ложь и правда перемѣшаны и что необходимо постараться отдѣлить истину отъ лжи. Чтобы успѣшнѣе достигнуть этой цѣли, Толстой нашелъ необходимымъ обратиться къ первоисточнику церковнаго ученія, т. е. къ святому Евангелію, и тамъ начать искать истины.

Но и здѣсь онъ натолкнулся на ту же самую преграду, которая помѣшала ему проникнуть въ ученіе церкви. Л. Н. Толстой подошелъ къ Евангелію не съ от-

крытымъ сердцемъ. жаждущимъ вразумленія, а со своими уже опредѣленно сложившимися понятіями, съ цѣлью не столько научиться отъ Христа, сколько найти у Него подтвержденіе собственныхъ мыслей и своего предубѣжденія противъ ученія церкви.

Поэтому, когда онъ читая Евангеліе, замѣтилъ, что и оно говоритъ о чудесномъ Рождествѣ Христовомъ, объ Іисусѣ Христѣ, какъ сынѣ Божіемъ Искупителѣ, о Воскресеніи Христовомъ, о таинствѣ св. причащенія и о многомъ другомъ, чего не понималъ и не принималъ разумъ Л. Н. Толстого, онъ рѣшилъ, что и въ Евангеліи истина перемѣшана съ ложью, и что изъ массы Евангельскихъ повѣствованій надо выдѣлить чистое зерно правды. Съ этихъ поръ начинается новый періодъ въ религіозной жизни Л. Н. Толстого, періодъ выработки собственнаго религіозно-нравственнаго ученія, прикрываемаго, впрочемъ, наименованіемъ христіанскаго, хотя и безъ всякаго для того основанія. Съ этихъ поръ началась усиленная работа Л. Н. Толстого, въ двухъ направленіяхъ—положительномъ и отрицательномъ. Съ одной стороны онъ устанавливаетъ свое положительное религіозно-нравственное ученіе, съ другой стороны и, нужно прибавить, главнымъ образомъ—онъ ведетъ борьбу съ православной церковью, пытаясь опровергнуть Ея пониманіе христіанства и доказать, что церковь не сохранила во всей неприкосновенности ученіе Христа, а подмѣнила его другимъ, Ею самою составленнымъ, ученіемъ, находящимся, будто бы въ полномъ противорѣчіи съ ученіемъ І. Христа. Очертимъ вкратцѣ ту и другую сторону религіозно-проповѣдничѐской дѣятельности Л. Н. Толстого.

Положительное вѣроученіе Л. Н. Толстого можно изложить его собственными словами слѣдующимъ образомъ. «Я вѣрю въ Бога, котораго я понимаю, какъ Духа, какъ Любовь, какъ начало всего. Вѣрю въ то, что Онъ во мнѣ, и я въ Немъ. Вѣрю въ то, что воля Бога яснѣе, понятнѣе всего выражена въ ученіи человѣка Христа, котораго понимать Богомъ и которому молиться—считаю величайшимъ кощунствомъ. Жизнь вѣчную здѣсь и вездѣ, теперь и всегда признаю до такой степени, что стоя, по своимъ годамъ, на краю гроба, часто долженъ

дѣлать усилія, чтобы не желать плотской смерти, т. е. рожденія къ новой жизни, и вѣрю, что всякій добрый поступокъ увеличиваетъ благо моей вѣчной жизни, а всякій злой поступокъ уменьшаетъ его...

Вѣрю, что для преуспѣянія въ любви есть только одно средство молитва—не молитва общественная въ храмахъ, а молитва, образецъ которой далъ намъ Христосъ, уединенная, состоящая въ возстановленіи и укрѣпленіи въ своемъ сознаніи смысла своей жизни и своей зависимости только отъ воли Бога».

Вдумываясь въ это религіозное міросозерцаніе Л. Н. Толстого, нельзя не видѣть, что все, что есть въ немъ возвышеннаго, заимствованно Л. Н. Толстымъ изъ того же Евангелія. Таково, напримѣръ, ученіе о Богѣ—Духѣ, о Богѣ—Любовь. Только Толстой не развилъ ученіе о Богѣ—Любовь и о Богѣ—Духѣ до тѣхъ его естественныхъ предѣловъ, до какихъ оно развито въ Евангеліи. Если Богъ есть Любовь, то вѣдь высшее обнаруженіе этой любви въ Самомъ Существѣ Божіемъ открывается въ тайнѣ Пресвятой Троицы, а высшее обнаруженіе ея на землѣ, въ родѣ человѣческомъ есть Божественное откровеніе, и воплощеніе Сына Божія для искупленія человѣчества, однако эти высочайшія обнаруженія Божественной любви Толстой отказывается принимать. Далѣе, если Богъ есть Духъ, т. е. существо разумное, живое, вѣчно-дѣятельное, то такому существу естественно проявлять въ мірѣ Свой Разумъ и свою дѣятельную силу, т. е. естественно обнаруживать себя въ промыслѣ и чудесахъ...

Однако и этого вывода Толстой не принимаетъ, впадая такимъ образомъ въ противорѣчіе съ самимъ собою.

Нельзя согласиться и съ тѣмъ опредѣленіемъ молитвы, которое даетъ Л. Н. Толстой. Молитва не есть только мыслительный процессъ возстановленія въ своемъ сознаніи смысла своей жизни.

Молитва, это чувство, это движеніе души, это порывъ къ Богу. Такова и была молитва Іисуса Христа. Да и самъ Толстой, опровергая себя, обращается къ Богу въ одномъ мѣстѣ съ такою истинно-христіанской молитвой: «Господи, прости заблужденія юности моей и помоги

мнѣ также радостно нести, какъ радостно я принялъ иго Твое».

Впрочемъ, религіозныя основанія своего міросозерцанія Толстой не развиваетъ подробно. Его вниманіе сосредоточено въ другой области—въ области нравственной. По его мнѣнію ученіе Іисуса Христа есть по преимуществу ученіе нравственное, ученіе, о томъ, какъ должно жить на землѣ человѣку, чтобы его жизнь и жизнь всего человѣческаго общества была доброю, разумною и согласною съ волею Божіею. Законъ нравственной жизни, личной и общественной, всего яснѣе и проще выраженъ въ нагорной проповѣди Іисуса Христа, которая, по мнѣнію Толстого, вся сводится къ пяти слѣдующимъ заповѣдямъ: не воюй, не любодѣйствуй, не клянись (не присягай), не суди (въ судахъ), не противься злому. Въ этихъ пяти заповѣдяхъ заключается вся сущность Евангельскаго ученія. Исполненіе этихъ заповѣдей одно только дастъ людямъ счастье. Разъясняя эти заповѣди, Толстой приходитъ къ отрицанію государства, войска, судовъ, собственности, ибо все это держится насиліемъ, а Христосъ заповѣдалъ непротивленіе злому. Люди по своему малодушію боятся послѣдовать заповѣди Христовой, оберегаютъ свое благополучіе войсками, судами и тюрьмами, но они глубоко ошибаются. Они не находятъ себѣ ни покоя, ни счастья, ни безопасности. Чтобы найти себѣ истинное и прочное счастье, они должны повѣрить Христу, примѣнить въ своей жизни заповѣдь непротивленія злому и тогда на землѣ водворится рай. Далѣе, Толстой отвергаетъ современную культуру, проповѣдуетъ простоту жизни, близость къ природѣ, переселеніе въ деревню и личный, физическій трудъ для добыванія средствъ своего существованія. Онъ требуетъ жизни въ постоянномъ общеніи съ простымъ, трудящимся, вѣрующимъ народомъ. Онъ проповѣдуетъ жалость къ животнымъ, воздержаніе отъ мясной пищи, отъ одурманивающихъ средствъ—спиртныхъ напитковъ и табаку.

Мы не будемъ дѣлать оцѣнки изложеннаго нами нравственнаго ученія Л. Н. Толстого, ибо эта оцѣнка давно уже сдѣлана и всѣмъ извѣстна, не будемъ защищать и современную культуру отъ обвиненій Л. Н. Толстого,—не намъ за него вступаться; скажемъ только од-

но, что и въ его нравственномъ ученіи, какъ и въ ученіи религіозномъ, все свѣтлое, доброе и привлекательное заимствовано имъ изъ того-же Евангелія. Но остановимся на одномъ обвиненіи, взводимомъ Л. Н. Толстымъ на православную церковь. Обвиненіе состоитъ въ томъ, что Православная церковь будто бы скрыла отъ людей нравственное ученіе Іисуса Христа, увѣрила людей, что это ученіе не обязательно для нихъ, замѣнила его непонятными, отвлеченными и никому ненужными догматами и обрядами, безъ соблюденія которыхъ невозможно будто бы спастись. Такое обвиненіе несправедливо. Церковь не забываетъ нравственнаго ученія Спасителя, а наоборотъ хранитъ всю полноту Евангельскаго откровенія, по завѣту Апостола: „Кто отниметъ что отъ словъ книги пророчества сего, у того отниметъ Богъ участіе въ книгѣ жизни“ (Апок. 22.19). Догматическое ученіе церкви, принятое Ею изъ того же Евангелія, не отмѣняетъ Собою нравственнаго ученія Христа, но лишь обосновываетъ его и утверждаетъ вѣчными и непреложными истинами вѣры, возвѣщенными тѣмъ же Іисусомъ Христомъ. Нельзя отрывать нравственныя заповѣди отъ ихъ религіознаго основанія. Только связанныя съ этимъ религіознымъ основаніемъ въ одномъ цѣлостномъ міросозерцаніи нравственныя истины получаютъ свою жизненность и свою безпрекословную обязательность. Отвергая религіозное основаніе нравственности, люди перестаютъ видѣть смыслъ и въ самой нравственности, утрачиваютъ интересъ къ ней и теряютъ стойкость, мужество и бодрость въ борьбѣ съ жизненными невзгодами и испытаніями. Все зло, которое въ настоящее время совершается въ окружающемъ насъ обществѣ, нравственное безсиліе, преступность всякаго рода, безчисленныя самоубійства— все это имѣетъ въ основѣ своей утрату современными людьми внутренняго религіознаго содержанія. Нѣтъ святыни вѣчной, непоколебимой святыни въ сердцѣ, нѣтъ въ сердцѣ алтаря Богу живому, и нѣтъ счастья, нѣтъ радости въ жизни. Осуждая церковь за ея догматическое ученіе, Толстой, самъ того не замѣчая, впадаетъ въ противорѣчіе съ самимъ собою.

Не онъ ли самъ стоялъ на порогѣ самоубійства, пока не увѣровалъ въ Бога, пока не связалъ свою личную

жизнь съ ея вѣчнымъ религіознымъ основаніемъ? Въ одномъ изъ своихъ послѣднихъ произведеній «Три дня въ деревнѣ». Л. Н. Толстой, указывая на громадное количество странствующихъ въ послѣднее время по деревнямъ бродягъ, говоритъ, что если бы нашъ простой народъ, *руководимый своимъ глубокимъ христіанскимъ чувствомъ*, не давалъ имъ пріюта у себя въ избахъ, не кормилъ бы ихъ и не поилъ, то никакая сила не въ состояніи была бы удержать этихъ бродягъ отъ разгрома помѣщичьихъ усадебъ. Такимъ образомъ, Л. Н. Толстой самъ удостовѣряетъ существованіе въ нашемъ простомъ народѣ глубокаго христіанскаго чувства.

Спрашивается, откуда же появилось въ немъ это чувство? Кто его воспиталъ въ немъ? Помѣщики? Но едва ли они могли дать народу то, чего, по собственному сознанію Л. Н. Толстого, сами не имѣли. Интеллигенція? Но интеллигенція никогда не задавалась цѣлью воспитывать въ народѣ религіозно-христіанское чувство; наоборотъ, она скорѣе стремилась разрушать его. Чиновничество? Оно совсѣмъ не призвано къ этому дѣлу. И такъ, если народъ нашъ обладаетъ глубокимъ христіанскимъ чувствомъ, побуждающимъ его къ братской заботливости о бездомныхъ, безпріютныхъ людяхъ, то этому чувству его научилъ никто иной, какъ Церковь, впродолженіе столѣтій постоянно напоминавшая ему о Христѣ. А если такъ, то Л. Н. Толстой очевидно несправедливо обвиняетъ Церковь въ томъ, что она забыла нравственные завѣты Христа.

Мы сказали выше, что главнымъ содержаніемъ религіозно-проповѣднической дѣятельности Л. Н. Толстого является не столько проповѣдь положительной стороны своего ученія, сколько борьба противъ церкви и ея вѣрованій. И дѣйствительно, разрушеніе того зла, которое, по его мнѣнію, внесла въ міръ и совершаетъ въ немъ Церковь, онъ считаетъ главнымъ дѣломъ своей жизни. Въ цѣломъ рядѣ своихъ сочиненій Л. Н. Толстой пытается изобличить Церковь во взводимыхъ имъ на нее преступленіяхъ. Онъ забываетъ, что Основателемъ Церкви является тотъ же самый Іисусъ Христосъ, заповѣди котораго онъ считаетъ обязательными для всѣхъ людей; забываетъ, что кто идетъ—противъ Церкви, идетъ противъ

Христа сказавшаго «Создамъ Церковь Мою и врата ада не одолѣютъ Ея» (Мѳ. 16. 18) и «кто принимаетъ васъ, принимаетъ Меня; а кто принимаетъ Меня, принимаетъ пославшаго Меня» (Мѳ. 10 40). Чтобы показать вкратцѣ, но со все опредѣленностью отношеніе Л. Н. Толстого къ христіанской церкви и къ содержимому Ею ученію, мы позволимъ себѣ привести выдержку изъ его сочиненія «Царство Божіе внутри васъ», заранѣе извиняясь передъ православными слушателями, что невольно заставимъ ихъ выслушать много словъ, грубыхъ и оскорбительныхъ для ихъ вѣрующаго сердца, которыхъ мы однако не можемъ опустить, желая дать ясный и полный обликъ Л. Н. Толстого, какъ обличителя Церкви· «Какъ ни странно это кажется, церкви, какъ церкви, всегда были и не могутъ не быть учрежденіями, не только чуждыми, но прямо враждебными ученію Христа» пишетъ Л. Н. Толстой. «Не даромъ Вольтеръ называлъ ее l'infame (безчестная), не даромъ всѣ или почти всѣ христіанскія, такъ называемыя, секты признавали и признаютъ церковь той блудницей, о которой пророчествуетъ апокалипсисъ; не даромъ исторія церкви есть исторія величайшихъ жестокостей и ужасовъ. Церкви, какъ церкви, не суть нѣкоторыя учрежденія, имѣющія въ основѣ своей христіанское начало, хотя и нѣсколько отклонившіяся отъ прямого пути, какъ это думаютъ многіе; церкви, какъ церкви, какъ собранія, утверждающія свою непогрѣшимость, суть учрежденія противохристіанскія. Между церквами и христіанствомъ не только нѣтъ ничего общаго, кромѣ имени, но это два совершенно противоположныя и враждебныя другъ другу начала!!.

Переходя въ частности, къ православной русской церкви Л. Н. Толстой пишетъ: «Дѣятельность этой церкви состоитъ въ томъ, чтобы всѣми возможными мѣрами внушить 100—милліонной массѣ русскаго народа тѣ отсталыя, отжилыя, неимѣющія теперь никакого оправданія вѣрованія, которыя когда-то исповѣдывали чуждыя нашему народу люди и въ которыя почти никто уже не вѣритъ, часто даже и тѣ, на обязанности которыхъ лежитъ распространеніе этихъ ложныхъ вѣрованій. Внушеніе народу этихъ чуждыхъ ему, отжитыхъ, и не имѣющихъ уже никакого смысла для людей нашего времени формулъ

византійскаго духовенства о Тройцѣ, о Божіей Матери, о таинствахъ, о благодати и т. п. составляетъ одну часть дѣятельности русской церкви; другую часть ея дѣятельности составляетъ поддержаніе идолопоклонства въ самомъ смыслѣ этого слова: почитаніе святыхъ мощей, иконъ, принесенія имъ жертвъ и ожиданія отъ нихъ исполненія желаній.

При рожденіи ребенка—учатъ тому, что надъ ребенкомъ и матерью надо прочитать молитву, чтобы очистить ихъ, такъ какъ безъ молитвы эта родившая мать погана... Потомъ внушается родителямъ и даже требуется отъ нихъ подъ страхомъ наказанія за неисполненіе, чтобы ребенокъ былъ непремѣнно крещенъ, т. е. обмокнутъ священникомъ три раза въ воду, при чемъ читаются никому непонятныя слова и совершаются еще менѣе понятныя дѣйствія,—мазаніе масломъ разныхъ частей тѣла, стрижка волосъ и дутье и плеванье воспріемниковъ на воображаемаго дьявола. Все это должно очистить ребенка и сдѣлать его христіаниномъ. Потомъ внушается родителямъ, что ребенка надо причастить, т. е. дать ему подъ видомъ хлѣба и вина съѣсть частицу тѣла Христа, вслѣдствіе чего ребенокъ приметъ въ себя благодать Христа и т. д., потомъ внушается, что этого ребенка, по мѣрѣ возраста, надо выучить молиться. Молиться, значитъ, становиться прямо передъ досками, на которыхъ нарисованы лица Христа, Богородицы, Святыхъ, и кланяться головой, всѣмъ тѣломъ, а правой рукой, со сложенными извѣстнымъ образомъ пальцами, дотрагиваться до лба, плечъ и живота и произносить славянскія слова, изъ которыхъ самыя употребительныя и всѣмъ дѣтямъ внушаемыя: Богородица, Дѣво радуйся и т. д...

Внушается еще, что надо каждый годъ, по крайней мѣрѣ одинъ разъ, говѣть. Говѣть, значитъ войти въ церковь и сказать священнику свои грѣхи, предполагая, что это сообщеніе своихъ грѣховъ чужому человѣку совершенно очищаетъ отъ грѣховъ, и потомъ съѣсть съ ложечки кусочекъ хлѣба съ виномъ, что еще болѣе очищаетъ.

Потомъ внушается, что если мужчина и женщина хотятъ, чтобы ихъ плотское общеніе было свято, то они должны придти въ церковь, надѣть на себя металлическія короны, выпить питья, обойти подъ звуки пѣнія три раза вокругъ

стола, и что тогда плотское общеніе мужчины и женщины сдѣлается святымъ и совсѣмъ особеннымъ отъ всякихъ другихъ.

Передъ смертью же внушается, что человѣкъ долженъ непремѣнно съѣсть съ ложечки хлѣба съ виномъ, а еще лучше если успѣетъ помазаться масломъ. Это обезпечиваетъ ему благо въ будущей жизни. Послѣ же смерти внушается роднымъ его, что для спасенія души умершаго полезно положить ему въ руку печатную бумагу съ молитвой; полезно еще, чтобы надъ мертвымъ тѣломъ прочли извѣстную книгу и чтобы въ церкви въ извѣстное время произносили бы имя умершаго... И вотъ эта—то вѣра, и никакая другая, называемая христіанскою. т. е. настоящею вѣрою, подъ видомъ христіанской, всѣми силами въ продолженіе многихъ вѣковъ и съ особеннымъ напряженіемъ теперь внушается народу .. Другого ничего нѣтъ... Проповѣдуется только внѣшній культъ идолопоклонства... Но внѣшній культъ и служеніе милости и правдѣ трудно совмѣстимо; большею частью одно исключаетъ другое... Если человѣкъ можетъ спастись искупленіемъ, таинствами, молитвой, то добрыя дѣла уже не нужны ему. Нагорная проповѣдь или символъ вѣры: нельзя вѣрить тому и другому. И церковники выбрали послѣднее: символъ вѣры учится и читается, какъ молитва, и въ церквахъ, а нагорная проповѣдь исключена даже изъ чтеній Евангельскихъ*)... Да и не можетъ быть иначе: люди, вѣрующіе въ злого и безразсуднаго Бога—проклявшаго родъ человѣческій и обрекшаго Своего Сына на жертву и часть людей на вѣчное мученіе,—не могутъ вѣрить въ Бога любви.

Человѣкъ вѣрующій въ Бога—Христа паки грядущаго со славою судить и казнить живыхъ и мертвыхъ, не можетъ вѣрить въ Христа, повелѣвающаго подставлять щеку обидчику, не судить, прощать и любить враговъ.

Главное же, человѣкъ, вѣрующій въ спасеніе людей вѣрою въ искупленіе или въ таинства, не можетъ уже всѣ силы свои полагать на исполненіе въ жизни нрав-

*) Очевидно, Л Н. Толстой никогда не заглядываетъ въ указатель церковныхъ Евангелическихъ чтеній, иначе бы онъ зналъ, что нагорная проповѣдь читается въ храмахъ въ недѣлю 8-ю по пасхѣ и въ недѣлю всѣхъ святыхъ

ственнаго ученія Христа. Человѣкъ, наученный церковью тому кощунственному ученію о томъ, что человѣкъ не можетъ спастись своими силами, а что есть другое средство, неизбѣжно будетъ прибѣгать къ этому средству, а не къ своимъ силамъ, на которыя, его увѣряютъ, грѣхъ надѣяться. Ученіе церковное—всякое, съ своимъ искупленіемъ и таинствами, исключаетъ Христово ученіе, тѣмъ болѣе ученіе православное съ своимъ идолопоклонствомъ...

Несоотвѣтствіе церковнаго исповѣданія съ ученіемъ Христа—таково, что нужны особыя усилія, чтобы скрыть это несоотвѣтствіе отъ людей. Въ самомъ дѣлѣ, вѣдь стоитъ только вдуматься въ положеніе каждаго взрослаго, не только образованнаго, но самого простого человѣка нашего времени, набравшагося носящихся въ воздухѣ понятій о геологіи, физикѣ, химіи, космографіи, исторіи, когда онъ въ первый разъ сознательно отнесется къ тѣмъ, въ дѣтствѣ внушаемымъ ему и поддерживаемымъ церквами, вѣрованіяхъ о томъ, что Богъ сотворилъ міръ въ шесть дней, свѣтъ прежде солнца, что Ной засунулъ всѣхъ звѣрей въ свой ковчегъ и т. п., что Іисусъ есть тоже Богъ—Сынъ, который творилъ все до времени; что этотъ Богъ сошелъ на землю за грѣхи Адама; что Онъ воскресъ, вознесся и сидитъ одесную Отца и придетъ на облакахъ судить міръ и т. п. Вѣдь всѣ эти положенія, выработанныя людьми IV вѣка и имѣвшія для людей того времени извѣстный смыслъ, для людей нашего времени не имѣютъ никакого.

Люди нашего времени могутъ устами повторять эти слова, но вѣрить—не могутъ, потому что слова эти, какъ то, что Богъ живетъ на небѣ, что небо раскрылось и оттуда сказалъ голосъ что-то, что Христосъ воскресъ и полетѣлъ куда-то на небо и опять придетъ откуда-то на облакахъ и т. п.—не имѣютъ для насъ смысла. Можно было человѣку, считавшему небо конечнымъ, твердымъ сводомъ, вѣрить или не вѣрить, что Богъ сотворилъ небо, что небо раскрылось, что Христосъ улетѣлъ на небо, но для насъ всѣ эти слова не имѣютъ никакого значенія. Люди нашего времени не могутъ вѣрить въ то, что для нихъ не имѣетъ смысла!!.

Приведенный нами отрывокъ изъ сочиненія Л. Н. Толстого «Царство Божіе внутри васъ» не является яркимъ образчикомъ отношенія его къ церкви и ея жизни и ученію.

Читая вышеизложенныя его строки, каждый православный читатель не можетъ не испытывать глубокожуткаго чувства. Поражаетъ не рѣзкость тона Л. Н. Толстого въ отношеніи къ Церкви, поражаетъ то, что онъ совершенно ничего не понимаетъ въ Церкви живого духа который чувствуется каждымъ искренно-вѣрующимъ христіаниномъ. Для Л. Н. Толстого Церковь—это не живой организмъ, возглавляемый Живымъ Іисусомъ Христомъ, но всѣмъ членамъ котораго струится живая сила Благодати Божіей и въ единствѣ съ которымъ каждый отдѣльный членъ его получаетъ жизненную энергію и духовное обновленіе; нѣтъ, для него Церковь—это мертвый разлагающійся трупъ, воображаемый Глава котораго, Іисусъ Христосъ, также давно умеръ и сгнилъ...

Поэтому всѣ священныя дѣйствія церкви, по его мнѣнію, не могутъ представлять изъ себя одного стройнаго и живого цѣлаго, а рядъ ничѣмъ не связанныхъ, безжизненныхъ, внѣшнихъ, механическихъ дѣйствій, совершаемыхъ лишь по какой—то непонятной, слѣпой, невѣжественной привычкѣ. Изъ каждаго таинства, изъ каждаго обряда Л. Н. Толстой вынимаетъ его живую душу, почему и изображаетъ его лишь съ его внѣшней стороны. Старался самыми своими выраженіями придать ему характеръ чего-то даже смѣшного и нелѣпаго. Такъ, напримѣръ, таинство брака для него является лишь хожденіемъ вокругъ стола, надѣваніемъ на себя металическихъ коронъ, питьемъ какого-то напитка, а всѣ глубокія переживанія этого таинства, живыя ощущенія благословенія Божія отъ его вниманія совершенно ускользаютъ.

Описывая исключительно внѣшнюю сторону церковныхъ священнодѣйствій и притомъ умышленно—грубымъ языкомъ, Л. Н. Толстой думаетъ, что онъ разрушаетъ Церковь, между тѣмъ, какъ на самомъ дѣлѣ самого-то существа ея, ощущаемой вѣрующими силы благодати Божіей и живой связи съ живымъ главою Церкви—Христомъ, онъ и не затрагиваетъ.

Такимъ образомъ, всѣ грубыя выходки Толстого противъ Христовой Церкви, нисколько не затрагивая самого ея существа, свидѣтельствуютъ ясно и очевидно лишь объ одномъ, что у самого Л. Н. Толстого умерло въ душѣ живое чувство живой связи съ Церковью, что для него Церковь стала внѣшнимъ, чуждымъ и непонятнымъ для него явленіемъ, однимъ словомъ, что онъ отпалъ отъ Церкви, умеръ для нея. И такъ, Л. Н. Толстой отпалъ отъ Церкви, не тогда, когда объ этомъ засвидѣтельствовалъ Св. Синодъ, а гораздо раньше, отпалъ тогда, когда онъ пересталъ понимать и любить Церковь, и когда онъ, наоборотъ, возненавидѣлъ даже ее.

III.

Отпаденіе Л. Н. Толстого отъ Церкви, выражавшееся въ его отношеніи къ Ней, какъ учрежденію, исполненному лжи, суевѣрія, насилія и обмана,—не могло, конечно, остаться незамѣченнымъ, и Церковь, въ лицѣ своихъ представителей дѣлала попытки указать ему его заблужденія. Появился цѣлый рядъ сочиненій, подробно, послѣдовательно разбиравшихъ его религіозно-богословскія воззрѣнія и указавшихъ ихъ ошибки. Сочиненія эти, несомнѣнно, доходили до Л. Н. Толстого, но не заставили свои взгляды. Нѣкоторые изъ духовныхъ лицъ, частью по собственной иниціативѣ, частью по порученію высшихъ іерарховъ Церкви обращались къ Л. Н. Толстому съ увѣщаніями, но и эти попытки не увѣнчались успѣхомъ.

Когда отпаденіе Л. Н. Толстого отъ Церкви, особенно послѣ появленія кощунственныхъ мѣстъ въ романѣ «Воскресеніе», стало очевиднымъ для всѣхъ, Св. Суноду естественно и неизбѣжно оставалось сдѣлать только одно—снять съ Л. Н. Толстого то наименованіе—православнаго христіанина, отъ котораго онъ самъ давно уже отрекся не только въ душѣ своей, но въ своихъ печатныхъ сочиненіяхъ, въ этомъ дѣйствіи Св. Сунода не могло заключаться для Л. Н. Толстого ничего неожиданнаго, а тѣмъ болѣе жестокаго или оскорбительнаго, какъ хотятъ представить это дѣло нѣкоторые. Самое опредѣленіе Св. Сунода объ отпаденіи Л. Н. Толстого отъ Церкви изложено

въ такихъ выраженіяхъ, которыя не даютъ никакого основанія упрекать Св. Сунодъ въ недоброжелательномъ отношеніи къ заблудшему. Вотъ это опредѣленіе: «Изначала Церковь Христова терпѣла хулы и нападенія отъ многочисленныхъ еретиковъ и лжеучителей, которые стремились ниспровергнуть ее и поколебать въ существенныхъ ея основаніяхъ, утверждающихся на вѣрѣ въ Христа, Сына Бога Живаго. Но всѣ силы ада, по обѣтованію Господню, не могли одолѣть Церкви Святой, которая пребудетъ неодолѣнною во вѣки. И въ наши дни, попущеніемъ Божіемъ, явился новый лжеучитель, графъ Левъ Толстой.

Извѣстный міру писатель, русскій по рожденію, православный по крещенію и воспитанію своему... онъ въ своихъ сочиненіяхъ и письмахъ, во множествѣ разсѣваемыхъ имъ и его учениками по всему свѣту, въ особенности же въ предѣлахъ дорогого отечества нашего, проповѣдуетъ, съ ревностью фанатика, низпроверженіе всѣхъ догматовъ Православной Церкви и самой вѣры сущности христіанской: отвергаетъ личнаго Живаго Бога въ святой Троицѣ славимаго, Создателя и промыслителя вселенной, отрицаетъ Господа Іисуса Христа—Богочеловѣка, Искупителя и Спасителя міра, пострадавшаго насъ ради человѣкъ и нашего ради спасенія и воскресшаго изъ мертвыхъ, отрицаетъ сверхъестественное значеніе Христа Господа и дѣйство до Рождества и по Рождествѣ Пречистой Богородицы и Приснодѣвы Маріи, не признаетъ загробной жизни и мздовоздаянія, отвергаетъ всѣ таинства Церкви и благодатное въ нимъ дѣйствіе Св. Духа и, ругаясь надъ самыми священными предметами вѣры православнаго народа, не содрогнулся подвергнуть глумленію величайшее изъ Таинства, святую Евхаристію. Все сіе проповѣдуетъ графъ Л. Н. Толстой непрерывно словомъ и писаніемъ, къ соблазну и ужасу всего православнаго міра, и тѣмъ неприкровенно, но ясно предъ всѣми, сознательно и намѣренно отторгъ себя самъ отъ всякаго общенія съ Церковью Православною. Бывшія къ его вразумленію попытки не увѣнчались успѣхомъ. Посему Церковь не считаетъ его своимъ членомъ и не можетъ считать, доколѣ онъ не раскается и не возстановитъ своего общенія съ нею... Свидѣтельствуя объ отпаденіи его отъ Церкви,

вмѣстѣ и молимся, да подастъ ему Господь Богъ покаяніе въ разумъ истины. Молимся тебѣ, Милосердный Господи, не хотяй смерти грѣшныхъ, услыши и помилуй и обрати его ко Святой Твоей Церкви. Аминь».

Таковъ былъ судъ Церкви надъ Л. Н. Толстымъ и его ученіемъ.—Но этотъ судъ не поколебалъ Толстого въ его воззрѣніяхъ и въ его отношеніи ко Христу и Церкви. На опредѣленіе Св. Синода Л. Н. Толстой отвѣтилъ письмомъ. Указавъ слабыя, по его мнѣнію, стороны опредѣленія, Л. Н. Толстой съ совершенною ясностью подтверждаетъ затѣмъ свое собственное отпаденіе отъ Церкви и снова повторяетъ свои кощунственныя сужденія о ея вѣрованіяхъ и обрядахъ. „То, что я отрекся отъ Церкви, называющей себя православною, это совершенно справедливо... Я убѣдился, что ученіе Церкви есть коварная и вредная ложь, собраніе самыхъ грубыхъ суевѣрій и колдовства, скрывающаго совершенно весь смыслъ христіанскаго ученія“. Далѣе Л. Н. Толстой въ обычномъ ему грубомъ тонѣ издѣвается надъ таинствами Церкви, надъ ученіемъ о Пресвятой Троицѣ, о воплощеніи Сына Божія, и называетъ кощунствомъ вѣру въ Іисуса Христа, какъ въ Сына Божія... Мы не приводимъ его подлинныхъ выраженій, такъ какъ въ нихъ нѣтъ ничего новаго сравнительно съ тѣмъ, что намъ уже извѣстно. Наконецъ, въ заключеніе онъ высказываетъ слѣдующія знаменательныя слова: „Я дѣйствительно отрекся отъ Церкви, пересталъ исполнять Ея обряды и написалъ въ завѣщаніи своимъ близкимъ, чтобы они, когда я буду умирать, не допускали ко мнѣ церковныхъ служителей и мертвое мое тѣло убрали бы поскорѣе, безъ всякихъ надъ нимъ заклинаній и молитвъ, какъ убираютъ всякую противную и ненужную вещь, чтобы она не мѣшала живымъ“. Какъ извѣстно, эти слова Л. Н. Толстого и послужили основаніемъ для его родныхъ и друзей съ своей стороны отклонять всякое участіе православной Церкви въ послѣднихъ минутахъ и погребеніи Л. Н. Толстого.

Послѣдующая религіозно-проповѣдническая дѣятельность Л. Н. Толстого продолжалась въ томъ же направленіи. Онъ только еще съ большимъ ожесточеніемъ сталъ нападать на Православную Церковь и ея ученіе. Такъ въ слѣдующемъ году послѣ опредѣленія Св. Синода онъ

выступаетъ со своимъ «Обращеніемъ къ духовенству», въ которомъ, высказывая свои обычныя сужденія о Церкви и о ея ученіи, призываетъ духовенство всѣхъ церквей, всѣхъ папъ, кардиналовъ, митрополитовъ, архіереевъ, епископовъ, суперинтендентовъ, священниковъ, пасторовъ—покаяться и перестать участвовать въ томъ дѣлѣ, которое они дѣлаютъ, въ дѣлѣ церковнаго многовѣковаго обмана вѣрующихъ.

Въ томъ же 1902 году онъ выступаетъ съ новымъ сочиненіемъ «Разрушеніе ада и возстановленіе его». Не вѣруя ни въ адъ, ни въ злыхъ духовъ, Л. Н. Толстой пользуется этими понятіями съ цѣлью сильнѣйшаго униженія и осмѣянія Церкви. Въ яркихъ образахъ онъ описываетъ смятеніе ада при появленіи на землѣ Іисуса Христа съ его ученіемъ. Адъ чувствуетъ, что господству его на землѣ приходитъ конецъ. Но вотъ, когда, положеніе, казалось, сдѣлалось совершенно безнадежнымъ, одному злому духу пришла въ голову счастливая мысль—онъ придумалъ основать на землѣ Церковь, которая, увѣряя всѣхъ, что относится съ величайшимъ благоговѣніемъ къ Іисусу Христу и Его ученію, въ дѣйствительности, упраздняетъ это ученіе, замѣнивъ его догматами и обрядами и отъ имени Христа разрѣшаетъ людямъ всѣ ихъ прежнія преступленія: войны, казни, прелюбодѣянія, суды и проч. Такимъ образомъ, разрушенный было Христомъ адъ оказался возстановленнымъ Церковью. Въ этихъ послѣднихъ сочиненіяхъ вражда Л. Н. Толстого къ Церкви достигла, повидимому, своего апогея.

До конца ли своей жизни остался однако Л. Н. Толстой непримиримымъ врагомъ Церкви? Унесъ ли онъ съ собою и въ вѣчность свою вражду къ Православію? Вотъ вопросы, которые невольно возникаютъ у многихъ изъ насъ, особенно въ виду загадочныхъ обстоятельствъ послѣднихъ дней жизни и смерти Л. Н. Толстого. Постараемся отвѣтить на эти вопросы, на сколько это позволяютъ имѣющіяся въ нашемъ распоряженіи данныя. Несомнѣнно, что въ послѣднее время жизни въ душѣ Л. Н. Толстого совершался какой-то новый духовный процессъ, шла какая-то ему одному вѣдомая внутренняя работа, о которой онъ не говорилъ даже своимъ ближайшимъ друзьямъ. Что у Л. Н. Толстого и раньше были

иногда нѣкоторые проблески добраго отношенія къ нѣкоторымъ сторонамъ церковной жизни, это несомнѣнно. Такъ, рѣзко нападая на Церковь, вообще, онъ никогда не нападалъ на монашество и иногда даже печатно высказывался, что христіанство сохранилось въ Россіи благодаря инокамъ—старцамъ. Нельзя не отмѣтить и того факта, что Преосвященный Епископъ Парѳеній, посѣщавшій Л. Н. Толстого въ его имѣніи «Ясная Поляна» приблизительно за годъ до его кончины и долго бесѣдовавшій съ нимъ наединѣ, вынесъ изъ этого посѣщенія и изъ этой бесѣды такое впечатлѣніе, что Л. Н. Толстой еще не безнадежно потерянъ для Православной Церкви.

Обращаясь къ послѣднимъ днямъ жизни Л. Н. Толстого, нельзя не видѣть много страннаго и загадочнаго въ его образѣ дѣйствій и въ его словахъ. Мы не назовемъ его состоянія «жаждою покаянія», но это было какое-то умиленное желаніе коренного обновленія своей жизни, внесеніе въ нее «настоящей правды», отсутствіе которой онъ всегда болѣзненно чувствовалъ въ своемъ положеніи. Въ этомъ желаніи уйти изъ дому, отказаться отъ всѣхъ привычныхъ удобствъ жизни, поселиться среди простого народа, въ бѣдности и простотѣ, есть что-то трогательное и хорошее. Но чѣмъ же былъ вызванъ въ Л. Н. Толстомъ этотъ душевный порывъ? Откуда пришло къ нему это настроеніе? Его можно объяснить только однимъ—предчувствіемъ близкой кончины. Тотъ удивительный сонъ, который ему приснился за нѣсколько дней до отъѣзда изъ дому, сонъ, въ которомъ онъ видѣлъ себя взбирающимся на высокую гору и вдругъ почувствовавшимъ сильный толчекъ въ грудь, въ область сердца, отъ котораго онъ свалился внизъ, этотъ сонъ былъ для Л. Н. Толстого какъ бы голосомъ свыше, вѣстникомъ приближающейся смерти, и заставилъ его глубоко задуматься. Л. Н. Толстой понялъ, что Богъ зоветъ его къ себѣ и встревожился, встревожился за неправду своей жизни, испугался, что онъ «умираетъ во грѣхахъ своихъ», какъ онъ сказалъ Черткову во время своей предсмертной болѣзни. Можетъ быть, вспомнилась ему при этомъ и кончина его любимаго брата, Сергѣя Николаевича, о которой разсказываютъ слѣдующее. Сергѣй Николаевичъ былъ подъ глубокимъ религіознымъ вліяніемъ

своего брата Льва и сдѣлался такимъ же невѣрующимъ и легкомысленнымъ хулителемъ Церкви и всѣхъ ея Святынь... Когда онъ тяжко заболѣлъ, жена его напомнила умирающему о примиреніи съ Церковью, о покаяніи и причащеніи. С. Н. на это отвѣтилъ женѣ, что безъ брата Льва онъ на это не можетъ рѣшиться. Послали за Л. Н. Послѣдній поспѣшилъ къ умирающему брату и, затворившись около двухъ часовъ, они вдвоемъ вели интимную бесѣду между собой, послѣ чего Л. Н-чъ, вышедши отъ больного глубоко растроганнымъ, сказалъ—братъ хочетъ исповѣдаться и причаститься, позовите ему священника. И духовникъ былъ позванъ. Исповѣдь умирающаго продолжалась долго и духовникъ, напутствовавъ больного, со слезами на глазахъ заявилъ окружающимъ, что онъ не знаетъ другого такого случая, столь глубокаго, чистосердечнаго и искренняго раскаянія, съ какимъ примирился съ Богомъ и Церковью графъ Сергѣй Николаевичъ. Послѣ пріобщенія больной прожилъ двое сутокъ... Л. Н. это видѣлъ и самъ несъ гробъ почившаго до храма. Это было уже послѣ отлученія Л. Н. Толстого отъ Церкви.

Такъ вотъ, можетъ быть и Л. Н. Толстой, получивъ внутреннее извѣщеніе о приближающейся кончинѣ, задумался, подобно своему брату, надъ своими отношеніями къ Богу и Церкви. И онъ захотѣлъ еще разъ провѣрить себя. Съ этой цѣлью онъ и отправился прежде всего къ единственному родному ему человѣку, нѣжно имъ любимому и способному по своему настроенію и своимъ воззрѣніямъ понять его и дать ему нужный совѣтъ—именно къ своей сестрѣ Маріи Николаевнѣ, монахинѣ Шамординской обители, а кстати вмѣстѣ съ тѣмъ и къ старцамъ Оптиной Пустыни, давно ему извѣстнымъ и пользовавшимся его уваженіемъ. Если не предположить въ Л. Н. этого желанія, то странно, почему онъ, имѣя намѣреніе удалиться на югъ къ сектантамъ, ѣдетъ на сѣверъ—въ Оптину Пустынь и въ Шамордино? И почему эта поѣздка такъ встревожила его послѣдователей (очевидно, не ожидавшихъ ея), что они, узнавъ о его мѣстопребываніи въ Шамординѣ, поспѣшили немедленно явиться туда и увезти его оттуда, несмотря на дурную погоду и на начавшееся уже у него недомоганіе?

Какая надобность была въ этомъ поспѣшномъ бѣгствѣ изъ Шамордина?

Все это нельзя объяснить ничѣмъ инымъ, какъ только страхомъ того внутренняго перелома въ сторону примиренія съ Церковью, какой могъ произойти въ душѣ Л. Н. Толстого подъ вліяніемъ монастырской обстановки. Для послѣдователей Толстого лучше было везти его больного по ужасной дорогѣ, въ ужасную погоду и бросить его потомъ больного, умирающаго на какой-то глухой станціи, но въ своихъ рукахъ, чѣмъ оставить его въ удобной, уютной обстановкѣ Шамординой обители, на рукахъ любящей сестры, съ рискомъ его возвращенія къ отвергнутой имъ Православной Церкви. Образъ дѣйствій Л. Н. Толстого въ Оптиной Пустыни и въ Шамординѣ еще болѣе убѣждаетъ насъ въ томъ, что онъ пріѣхалъ туда не просто для свиданія съ сестрой, а съ цѣлью разрѣшенія своихъ какихъ-то глубокихъ недоумѣній. Это подтверждается разсказомъ Оптинскихъ старцевъ, не вѣрить которымъ мы не имѣемъ основанія, подтверждается и письмомъ монахини Маріи Николаевны Толстой, помѣщеннымъ въ «Русскомъ Словѣ» и, въ главномъ, совершенно согласнымъ съ разсказомъ Оптинскихъ старцевъ. Оптина Пустынь хорошо была извѣстна Льву Николаевичу Толстому и раньше, онъ любилъ эту обитель и нѣсколько разъ посѣщалъ ее. Прибывъ туда въ этотъ послѣдній разъ и войдя въ номеръ, онъ, не раздѣваясь, сказалъ гостиннику: «Можетъ быть, вамъ непріятно, что я пріѣхалъ; я — Левъ Толстой, отлученный отъ Церкви. *Пріѣхалъ поговорить съ вашими старцами*, а завтра уѣду въ Шамордино, къ сестрѣ». Такимъ образомъ, Л. Н-чъ самъ опредѣленно заявилъ, что пріѣхалъ въ Оптину Пустынь поговорить со старцами. Но о чемъ же ему было говорить съ ними, послѣ десятилѣтняго отлученія отъ Церкви, если его отношеніе къ Церкви нисколько не поколебалось? И какое значеніе могли имѣть для него слова старцевъ, представителей той Церкви, которую онъ отвергалъ? Въ тотъ же вечеръ Л. Н-чъ еще разъ бесѣдовалъ съ гостинникомъ, спрашивалъ его, здоровъ ли старецъ о. Іосифъ, принимаетъ ли онъ? На другой день онъ нѣсколько разъ выходилъ гулять по монастырю и его окрестностямъ, нѣсколько разъ проходилъ мимо келіи

о. Іосифа и, наконецъ уѣхалъ, не побывавъ у старцевъ. Что-то ему помѣшало зайти къ нимъ. Прибывъ въ Шамордино и трогательно встрѣтившись съ сестрой, Л. Н. Толстой долго сидѣлъ съ нею вдвоемъ. За обѣдомъ онъ хвалилъ Оптину Пустынь и выражалъ желаніе поселиться тамъ. Съ удовольствіемъ поселился бы и въ Шамординѣ. Когда сестра спросила его, видѣлъ ли онъ старцевъ? Онъ отвѣтилъ: «Да развѣ ты думаешь, что они меня примутъ; ты не забудь, что истинно-православные, крестясь, отходятъ отъ меня»... Изъ этого отвѣта ясно, что помѣшало Л. Н. Толстому зайти къ старцамъ въ Оптиной Пустыни: Какъ отлученный отъ Церкви, онъ не рѣшился переступить порога ихъ келіи, ошибочно думая, что они не примутъ и отвергнутъ его. Л. Н. Толстой на первыхъ порахъ не торопился уѣзжалъ изъ Шамордина. Онъ ходилъ въ сосѣднюю деревню и тамъ подыскивалъ себѣ квартиру. Онъ собирался прожить въ Шамординѣ двѣ—три недѣли, и только внезапный пріѣздъ дочери повлекъ за собою его поспѣшный отъѣздъ изъ обители. А это опять показываетъ, что планы самого Л. Н. Толстого были иные, нежели планы его учениковъ. Если у него и не было прямого намѣренія измѣнить свое отношеніе къ Церкви, то во всякомъ случаѣ было желаніе провѣрить свою совѣсть при содѣйствіи Оптинскихъ старцевъ, при участіи любимой сестры, но этому желанію не дали осуществиться его послѣдователи, воспротивиться которымъ онъ не имѣлъ силы воли.

Съ этого момента между Л. Н. Толстымъ и Православною Церковью становятся непреодолимою, непроницаемою преградою его послѣдователи, желѣзнымъ кольцомъ окружившіе его смертный одръ.

Они не дали услышать ему примирительнаго зова Церкви, не передали ему трогательной телеграммы митрополита Антонія, не сообщили ему о прибытіи въ Астапово Оптинскаго старца, хотя и не стѣснялись сообщать ему о прибытіи Горбуновыхъ, Гольденвейзеровъ и другихъ Толстовцевъ. Кто знаетъ, какъ откликнулась бы въ душѣ Л. Н. Толстого телеграмма митрополита Антонія и какъ бы онъ отнесся къ извѣстію о прибытіи того старца, котораго онъ самъ незадолго передъ тѣмъ желалъ видѣть?? Окружавшіе его болѣзненный одръ Толстовцы

только тогда могли бы утверждать его неизмѣняемый разрывъ съ Церковью, если бы они дали ему возможность услышать призывающій его къ примиренію голосъ Церкви и если бы онъ сознательно отвернулся отъ протянутой ему Церковью руки. Но такъ какъ они этого не сдѣлали, такъ какъ они позволили себѣ сдѣлать надъ его душою величайшее насиліе, то на нихъ всецѣло падаетъ страшная отвѣтственность за то, что Л. Н. Толстой умеръ, не примирившись съ Церковью. Что касается Православной Церкви, то мы съ радостью должны удостовѣрить, что съ ея стороны сдѣлано было все возможное для возвращенія Л. Н. Толстого къ Церкви, и не ея вина, если эти попытки не увѣнчались успѣхомъ вслѣдствіи непреодолимаго препятствія со стороны лицъ, окружавшихъ больного.

Не замѣтно ли было, однако, со стороны самого умирающаго какихъ либо намековъ на возможность его примиренія съ Церковью? Мы этого не знаемъ. Во 1-хъ, можетъ быть, иныхъ своихъ мыслей онъ не высказывалъ потому, что былъ увѣренъ въ ихъ совершенной неосуществимости, а во 2-хъ его окружали только толстовцы, которые и не поняли бы, да и не захотѣли бы понять такихъ движеній его души, которыя были бы направлены къ примиренію съ Церковью. При всемъ томъ въ воспоминаніи о послѣднихъ дняхъ жизни Л. Н. Толстого, напечатанныхъ Чертковымъ въ 12-мъ и 13-мъ номерахъ «Русскихъ Вѣдомостей» за текущій годъ, есть робкіе намеки на какой-то скрытый духовный процессъ, совершавшійся въ Толстомъ, процессъ, не получившій своего настоящаго развитія и полнаго обнаруженія. Такъ, изъ разсказа Черткова видно, что Толстой сильно тосковалъ, не высказывая однако причины своей тоски. «Л. Н. протянулъ руку въ мою сторону. Я нагнулся къ нему. Но онъ тоскливо прошепталъ: «Нѣтъ, я такъ!» У Льва Николаевича были какія-то неотвязныя мысли и чтобы отвлечься отъ нихъ, онъ заставлялъ Черткова читать газеты. Съ особеннымъ вниманіемъ останавливаясь на каждомъ словѣ, какъ бы формулируя для самого себя что-то имѣвшее для него серьезное значеніе, онъ сказалъ объ одной французской писательницѣ: она была религіозна... но не правовѣрна... Очевидно, говоря это, Толстой обду-

мывалъ и взвѣшивалъ понятія религіозности и правовѣрности въ примѣненіи ихъ къ себѣ самому. Наканунѣ смерти, когда ему было особенно тяжело, онъ, очевидно, желая исполнить нѣчто должное, сказалъ: «не понимаю, что мнѣ дѣлать»... Эти слова показываютъ, что въ душѣ его было какое-то недоумѣніе, что онъ не зналъ, на что ему рѣшиться? Видя, какъ заботливо всѣ ухаживаютъ за нимъ, Толстой сказалъ: «а мужики-то, мужики какъ умираютъ!» и прибавилъ со слезами: «такъ видно, мнѣ *въ грѣхахъ* и придется умереть!» О какихъ своихъ грѣхахъ говорилъ онъ, это такъ и осталось загадкою. Какъ ни мимолетны проскальзывающіе во всѣхъ этихъ фразахъ намеки, но и они говорятъ намъ о томъ, что не все переживаемое Толстымъ въ послѣдніе дни его жизни, было имъ ясно обнаруживаемо и что въ немъ шла какая-то двойная и не всегда понятная для окружающихъ работа души. Какъ бы, однако, ни было, Л. Н. Толстой умеръ, не примирившись видимымъ образомъ съ Церковью. Мы говоримъ «видимымъ образомъ» потому что то, что совершалось въ глубинѣ души его въ моментъ смерти, вѣдомо лишь Единому Богу Сердцевѣдцу.

Какъ отпавшій отъ Церкви и не примирившійся съ Нею, Л. Н. Толстой былъ лишенъ христіанскаго погребенія и общественныхъ заупокойныхъ молитвъ о немъ, да и сами его родные, опираясь на сдѣланное имъ десять лѣтъ тому назадъ распоряженіе, не пожелали совершить надъ нимъ христіанскихъ обрядовъ. Опредѣленіе Св. Синода о несовершеніи по Л. Н. Толстомъ заупокойныхъ богослуженій и панихидъ встрѣчено было значительною частью русскаго общества съ крайнимъ осужденіемъ. Даже такіе органы печати, какъ «Новое Время», «Гражданинъ», «Свѣтъ»,—увидѣли въ этомъ опредѣленіи проявленіе формализма, отсутствіе христіанскаго всепрощенія и братолюбія и желаніе мести даже умершему. Но такая точка зрѣнія несправедлива и свидѣтельствуетъ лишь о недостаткѣ яснаго церковнаго самосознанія. И дѣйствительно, всѣ чинопослѣдованія православной церкви составлены для совершенія ихъ надъ лицами, принадлежащими къ Церкви и потому они, естественно, не могутъ быть совершаемы надъ лицами, непринадлежащими къ этой Церкви, или отпадшими отъ нея. Совершеніе надъ

какимъ-либо лицомъ православнаго обряда показываетъ само собой, что это лицо или принадлежитъ къ Церкви, или, во всякомъ случаѣ, относится къ ней сочувственно и раздѣляетъ ея вѣрованія. Можно ли, напримѣръ, упрекнуть въ жестокости, въ отсутствіи чувства братолюбія того православнаго священника, который не согласился бы совершить православный обрядъ таинства брака надъ лицами, не только не принадлежащими къ церкви, но отвергающими ея вѣрованія и глумящимися надъ ея обрядами?! Очевидно нѣтъ, ибо совершеніе надъ ними обряда таинства брака было бы лишь профанаціей этого таинства. Такъ же точно и погребеніе по обрядамъ православной церкви лица, непринадлежащаго къ этой церкви и отрицающаго ее, является совершенно невозможнымъ. Невозможность эта станетъ намъ особенно очевидной, если мы обратимъ вниманіе на самое содержаніе церковныхъ заупокойныхъ пѣснопѣній, въ которое какъ-то не хотятъ вникнуть люди, недовольные опредѣленіемъ Св. Синода относительно отпѣванія Л. Н. Толстого.

Эти пѣснопѣнія не только глубоко проникнуты церковно-христіанскими вѣрованіями и чаяніями, но и самого умершаго изображаютъ живымъ, вѣрующимъ членомъ церкви, такъ что даже отъ его имени обращаются къ Господу, къ Божіей Матери и къ Святымъ съ мольбою о прощеніи и водвореніи въ райскихъ обителяхъ. Какъ пропѣть, какъ произнести эти пѣснопѣнія отъ лица, явно и кощунственно отвергавшаго православно-христіанскія вѣрованія? Не прозвучитъ ли это грубымъ и невыносимымъ диссонансомъ въ сердцахъ всѣхъ молящихся? Какъ, напримѣръ, пропѣть надъ гробомъ Л. Н. Толстого, отвергавшаго грѣхопаденіе и искупленіе человѣчества, такія хотя бы слова: «Древле убо отъ несущихъ создавый мя, и образомъ твоимъ божественнымъ почтый, преступленіемъ же заповѣди паки мя возвративый въ землю, отъ нея же взятъ быхъ, на еже по подобію возведи древнею добротою возобразитися»? Или какъ, напримѣръ, отъ имени Л. Н. Толстого, отрицавшаго Пресвятую Троицу, сказать: «Отцу покланяюся родившему, Сына славлю рожденнаго, пою сопросіявшаго Отцу же и Сыну, Духа Святаго»? Какъ сказать отъ его же имени Божіей Матери: «Всесвятая Богородице, во время живота моего не оста-

ви мене, человѣческому предстательству не ввѣри мя. но сама заступи и помилуй мя»?

Стоитъ только потрудиться прочесть со вниманіемъ весь чинъ нашего православнаго отпѣванія или даже простой панихиды, чтобы ясно увидѣть, что его можно совершить только надъ человѣкомъ принадлежащимъ къ Церкви, или, по крайней мѣрѣ, раздѣляющемъ ея вѣрованія, но никакъ не надъ противникомъ Церкви.

Поэтому, совершенно правильно поступилъ Св. Сунодъ, не найдя возможнымъ совершить поминовеніе умершаго Л. Н. Толстого по обряду Православной церкви.

Изъ сдѣланнаго нами сознаемся, далеко несовершеннаго обзора, внутренней религіозной жизни Л. Н .Толстого и его отношенія ко Христу и къ Церкви, мы видимъ, что этотъ величайшій художественный геній человѣчества, этотъ, по общему признанію исключительный великанъ духа, не сумѣлъ найти въ сердцѣ своемъ настолько истиннаго величія, чтобы, подобно Достоевскому, смириться съ любовью предъ Евангельскимъ Христомъ—Сыномъ Божіимъ и съ дѣтскимъ простодушіемъ принять въ свое сердце Его животворящее слово истины.

Въ этомъ и состоитъ основная ложь его настроенія. Къ нему въ высшей степени примѣнимы замѣчательныя слова другого великаго человѣка блаженнаго Августина, сказанныя нѣкогда этимъ послѣднимъ о самомъ себѣ въ сочиненіи, также носившемъ наименованіе «Исповѣди»: «Я сталъ читать Священное Писаніе и вотъ что я нашелъ въ Немъ зданіе, въ которое никогда не войдутъ гордые, тѣсный входъ, обширные своды, глубокія тайны. Я былъ далеко не въ состояніи войти въ него, я не могъ такъ низко опустить голову. . Я презиралъ эту простоту, и мой гордый взглядъ не могъ проникнуть въ ея глубокій смыслъ. Я съ презрѣніемъ смотрѣлъ на нищихъ духомъ и не хотѣлъ уподобляться имъ. Я считалъ себя великимъ» Такъ и Л. Н. Толстой не съумѣлъ наклонить свою голову подъ благое иго Христово, не съумѣлъ поэтому уразумѣть и въ жизни Церкви дѣйствующей въ ней силы благодати Св. Духа... Православная Церковь оказалась для него лишь совокупностью мертвыхъ, нелѣпыхъ и никому не нужныхъ догматовъ и обрядовъ. Онъ воз-

сталъ противъ Церкви и желалъ побороть Ее... Напрасная попытка.

Попытка разрушить Церковь, имѣющую высокое обѣтованіе: „Создамъ Церковь Мою и врата адовы не одолѣютъ Ея“, и представить эту Церковь во мнѣніи народа и всего человѣчества, какъ исполненную лжи, суевѣрія, колдовства и насилія, не могла, конечно, увѣнчаться успѣхомъ, ибо Тотъ, кто въ насъ, сильнѣе того, кто противъ насъ... Въ продолженіе своего 1900—лѣтняго существованія, Церковь выдержала много жестокихъ нападеній, выдержала три столѣтія ужаснѣйшихъ гоненій со стороны язычниковъ, выдержала страшный натискъ аріанства, иконоборчества, и другихъ ересей, и не погибла, не пошатнулась. И, конечно, этимъ она обязана не самой себѣ, а Тому, кто воззвалъ Ее къ бытію для сохраненія свѣта истины и правды въ человѣчествѣ... Не погибнетъ, конечно, Церковь, и отъ натиска Толстовства. Но, несомнѣнно, Толстовство много зла принесло русскому народу и еще больше зла принесетъ. Наши дѣти и наши внуки пожнутъ плоды тѣхъ сѣмянъ, которыя щедрою рукою засѣвалъ Л. Н. Толстой въ наши дни со своими послѣдователями. Правда, открытыхъ и всецѣлыхъ послѣдователей у него было немного, но это не измѣняетъ дѣла.

Духъ его скептическаго, отрицательнаго отношенія ко Христу, Евангелію и Церкви, ко всему церковному ученію и обычаямъ, его принципъ непротивленія злу, перешедшій у многихъ въ простую снисходительность ко всякому злу—широко ра пространилось не только въ интеллигентномъ обществѣ, но и въ простомъ народѣ. И что особенно печально—этимъ духомъ заражается и молодое поколѣніе, теряющее вѣру въ чистоту и святость Православія, довѣріе и любовь къ родной Церкви. Съ утратою этихъ живыхъ, животворящихъ чувствъ, оно становится духовно-опустошеннымъ, духовно-надломленнымъ, не видящимъ смысла и цѣли въ своемъ существованіи. Такимъ образомъ, въ духовной жизни русскаго народа—богоносца Л. Н. Толстой пробилъ великую брешь, произвелъ великое смущеніе и разрушеніе. Таково то ужасное наслѣдство, которое онъ оставилъ намъ и грядущимъ поколѣніямъ Россіи!

Но это наслѣдство не было бы такъ страшно, если бы только русское общество, поразившись плодами Толстовской проповѣди, встрепенулось духовно, если бы оно дружно стало на защиту попранныхъ вѣковыхъ святынь своего сердца—Христа Сына Божія, Евангелія, Церкви, подъ сѣнью которыхъ всегда росла и крѣпла наша святая Русь; если бы воскресло въ немъ живое сознаніе своего единства съ древнею церковью, церковью Апостоловъ, Мучениковъ и Вселенскихъ Соборовъ, если бы ожилъ въ немъ духъ церковнаго единенія и искренняго братства о Христѣ!...

Тогда, какъ мрачные ночные призраки, исчезли бы изъ нашей жизни и толстовство, и всякаго рода другія, противныя истинѣ Божіей и дерзновенно возстающія на нее лживыя ученія, столь сильно одолѣвающія насъ теперь со всѣхъ сторонъ и вносящія смуту въ умы и сердца православныхъ людей!

ФУНДАМЕНТАЛЬНАЯ
БИБЛИОТЕКА
Общественных Наук
Академии Наук СССР